

Бенди и чернильная машина. Кошмары оживают

Автор:

[Адрианна Кресс](#)

Бенди и чернильная машина. Кошмары оживают

Адрианна Кресс

Young Adult. Bendy and the ink machineБенди и чернильная машина #1

Bendy and the Ink Machine – популярная компьютерная игра, ставшая культовой в жанре хоррора! Перед вами дневник Бадди, юного сотрудника анимационной студии, который пытается раскрыть темные секреты таинственного мультипликатора. Бадди – простой парнишка из трущоб Нью-Йорка. Однако у него есть мечта – больше всего на свете Бадди хочет стать художником. И судьба преподносит ему удивительный сюрприз, когда он совершенно случайно попадает на работу в анимационную студию. Уже в первый рабочий день Бадди начинает понимать: нечто странное творится в стенах студии. Сотрудники пропадают с рабочих мест, за закрытыми дверями слышится протяжный вой, а еще чернила... Чернильные пятна появляются повсюду, и отмыть их невозможно. С каждым днем чернил становится все больше, и Бадди должен выяснить, что на самом деле происходит в анимационной студии мистера Дрю. Однако он еще не знает: секреты таинственного директора могут стоить ему жизни.

Адрианна Кресс

Бенди и чернильная машина. Кошмары оживают

© Онищук А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Я вижу эту улыбку повсюду. Она внезапно появляется в темноте. За углом. В снах. Эта широченная улыбка. Этот рот, полный зубов. Они кажутся плоскими и ровными. Ты не узнаешь, насколько острые эти зубы, пока не обнаружишь себя скользящим вниз по его пищеводу.

Он – маленькое исчадие ада.

Мне не сбежать.

То, что я хочу тебе рассказать, может показаться невероятным.

Я не дурак. Народ прочитает это и подумает: «Не знаю, кем себя возомнил этот Бадди, но ему меня не провести». Но мне необходимо всё записать. Я должен рассказать эту историю. Даже если мне никто не поверит. Я обязан, пока ещё не слишком поздно. Пока не...

После каждого звука, после каждого скрипа я ищу ту улыбку. Любой сказал бы, что я сошёл с ума. Но мне-то известна правда. Я знаю, что видел. И мне известно случившееся.

Тебе нужно читать это с особым вниманием. Слова мне никогда не давались. Но приходится использовать их, потому что рисункам нельзя доверять.

Рисункам нельзя доверять.

Во всё это впутано много людей. Слишком много. Но если у меня получится защитить хотя бы одного человека... Спасти хотя бы одного от того, во что они превратились...

От того, во что все мы превратились...

Если у тебя получится найти эти записи, Дот. Если у тебя получится найти нас...

Наверное, мне стоит начать сначала.

И продолжать.

До самого конца.

1

«Мечты становятся реальностью, Бадди», – вот что он сказал. Мистер Дрю не был каким-то там обманщиком. Только вот проблема в другом: хоть мечты и становились реальностью, однако то же самое происходило и со страхами. Я долгое время всего этого не понимал, честно говоря. Мечты становятся реальностью? Для кого? Для богачей, ясное дело. А что касается моей семьи? Мечты для нас являлись всего лишь короткими передышками в ежедневной работе до седьмого пота.

Хотелось бы мне по-настоящему запечатлеть, как выглядел Нижний Ист-Сайд[1 - Нижний Ист-Сайд – район Манхэттена с узкими улицами, простыми многоквартирными домами, элитными апартаментами и шикарными бутиками.] летом 1946 года. Было бы здорово изобразить его на картине: тротуары, плавно перетекающие в автомобильную дорогу и заканчивающиеся канализационными решётками; клубы пара, что поднимаются в суровое бледное небо; большие жирные сочные капли пота, стекающие по лбам прохожих. Кажется, само слово «пекло» будто бы витает в воздухе.

Но я не должен рисовать. Нужно рассказывать.

Я пытаюсь вспомнить всё, чему научился у тебя, Дот. Ты поведала мне, как написать хорошую историю. Мне нужно лишь припомнить, что именно ты говорила об использовании всех пяти органов чувств. А не только зрения.

Писать – не то же самое, что рисовать.

Пять органов чувств... Что там за остальные четыре?

Точно.

Слух: смех детей, их весёлые крики, вопли взрослых, звон бьющегося стекла и затем звук кулаков, молотящих по плоти. Когда становилось слишком жарко, случались драки. Делать нечего, пойти некуда, мозг занять не удаётся – в результате он превращается в розовое вязкое пюре внутри твоей черепушки и плещется там, в любой момент норовя вылиться из ушей.

Осязание: кожа всегда скользкая от пота; всё под пальцами кажется мокрым, потому что ты весь покрыт испариной. Возможности оставаться сухим попросту не существовало.

Обоняние: воздух всегда был спёртым и неподвижным, неспособным подняться выше стен многоквартирных высоток. В большинстве случаев он источал запах мочи. От этого тебя подташнивало. Порой ты блевал... А! Это ещё один запах: вонь рвоты.

Вкус:

Вкус...

Прошу прощения, сейчас не могу вспомнить вкус. Это слишком сложно. Я чувствую только горечь во рту. Лишь этот долгоиграющий привкус чернил.

В общем, ты понимаешь: было жарко. И осознавать это – важно, потому что я готов был пойти на что угодно, лишь бы сбежать подальше от такой жары и этого района. Я бегал по швейным мастерским уже в течение нескольких лет. С тех самых пор, как умер отец. Мама стала портнихой, а я бросил школу. Вместо своего кузена Ленни я стал доставлять готовые костюмы и пиджаки мистеру Шварцу – нашему начальнику. А потом снова тащил маме детали костюмов, чтобы она в очередной раз проделала ту же самую работу с самого начала. Нам требовались деньги. Лишь заработав их, я мог вызвать у мамы улыбку. Я скучаю по её улыбке. Нежной. Спокойной. Тёплой. По той улыбке, что озаряет лицо и отражается в глазах.

Мамина улыбка совсем не была похожа на его улыбку. Абсолютно не похожа.

Ближе к сути: мне платили. Это было главным.

Тем не менее мне уже почти стукнуло семнадцать лет – в то время как большинству остальных мальчишек едва ли исполнилось двенадцать. Я чувствовал себя глупо, выполняя ту же самую работу наравне с ними. Именно поэтому, когда мистер Шварц предложил мне стать его мальчиком на побегушках и пояснил, что я, таким образом, смогу выбираться за пределы нашего микрорайона и перемещаться по всему городу, я без раздумий согласился. В других частях города росла зелень. Деревья и всякое такое. И ещё там встречались ухоженные кварталы, от которых не воняло мочой. Когда я доставлял готовый костюм в Верхний Ист-Сайд, то мог позволить себе прогуляться в парке и окунуть ноги в пруд. По водной глади люди катались на лодках.

Более того, я мог наблюдать за художниками, которые рисовали вдоль аллей картины для туристов. Появилась возможность вблизи разглядывать карикатуры.

И с этим начали возникать проблемы.

Во-первых, очевидно: художники – народ темпераментный.

– Эй, малец, ты что тут делаешь?

– Просто смотрю, сэр.

Наверное, в тот раз я ближе обычного подобрался к холсту.

– Проваливай отсюда со своим «просто смотрю»!

Это напоминало художественную школу. Только вот, готов поспорить, учителя в ней не гонят тебя прочь и не говорят, что ты отпугиваешь покупателей, когда склоняешься над холстом.

Однако это было не столь важно. Видишь ли, я кое-чего не упомянул. Ведь ты, полагаю, сама прекрасно знаешь, что я художник. Точнее, художником я считаюсь сейчас. Тогда же я им не был, но очень хотел стать. Не знаю почему; может быть, это как-то связано с моим дедушкой, которого я никогда не встречал и который жил в Польше. Я всегда думал, что он, должно быть, любил

искусство. В конце концов, единственное, что дедушка спас и отправил вместе с мамой с «исторической родины», как она говорила, были эти чёртовы картины. Люди всегда очень удивлялись, увидев огромные полотна, написанные маслом, в нашей небольшой съёмной квартирке. Мама могла бы продать их за большие деньги. Но не продала. И на меня это произвело неизгладимое впечатление. Я начал делать зарисовки по ночам, просыпаться и опаздывать в школу. Затем меня начали часто отправлять в кабинет директора за «каракули», которые я рисовал днём во время занятий. И, боже мой, как же я любил комиксы! Я бегал по району и собирал выброшенные газеты в надежде прочесть свежие выпуски про моряка Попая или Дика Трейси. Даже сам начал рисовать комиксы, сочиняя приключения с Олив Ойл, Прюнфейсом или Спаркл Пленти. В скором времени моё воображение стало придумывать своих собственных персонажей. Они не казались забавными. Я их никому не показывал. А потом я обнаружил художников в Центральном парке. Скажем так, меня это несколько отвлекло.

– Ты потерял костюм? – мистер Шварц, если хотел, мог выглядеть весьма пугающе для человека ростом чуть больше ста пятидесяти сантиметров.

– Мне очень жаль, сэр! Клянусь, такого больше не повторится!

Я лишь на секунду положил костюм, чтобы получше присмотреться к картине. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы кто-то незаметно его утащил.

– А что скажешь по поводу прошлого раза, когда ты задержался на три часа? Мой клиент едва не опоздал из-за тебя на встречу.

– Мне очень жаль, сэр.

– Ты хочешь стать моим подмастерьем? Хочешь хорошо и честно зарабатывать?

Я хотел. Правда, хотел. Мне нужны были деньги. Нам с мамой требовались деньги. Только вот никто особо не горел желанием брать на работу подростка из трущоб, у которого практически не было образования. Быть правой рукой мистера Шварца считалось самым большим, на что я мог рассчитывать.

Боже мой, как же глупо я себя чувствовал. И как же меня съедал стыд.

– Я дам тебе ещё один шанс, Бадди. Ещё один – и всё.

Ещё один шанс.

Последний для меня.

А потом я встретил его.

Я впервые пришёл к нему в студию, чтобы доставить костюм – чехол для одежды был перекинут через моё правое плечо. В тот день в студии из-за жары отключили электричество. Причём не только в студии, располагающейся в кирпичной высотке, но и во всём районе. Обычно мигающие огни театральных вывесок не горели. Я прошёл мимо погасшего анонса «Женщины из Сент-Луиса». Пожёвывая зубочистки, двое рабочих сцены смотрели на здание. Они задрали головы и упёрли руки в бока.

– И что теперь, Стив?

– Шоу должно продолжаться.

– Ну, это они так говорят.

Осознание того, что электричество отключили, до меня дошло лишь через несколько кварталов в западном направлении. Я тогда прошёл мимо одного из театров офф-Бродвея[2 - Офф-Бродвей – профессиональный театральный термин, которым обозначаются сценические площадки в Нью-Йорке с вместимостью от 100 до 499 посетителей. По своим размерам эти театры меньше бродвейских.] и наконец добрался до располагающейся по соседству с ним студии. Я приложил все усилия, чтобы прийти вовремя, но всё равно опаздывал. В этот раз моей вины в этом не было. Клянусь, во всём следует винить метро. Но мистер Шварц не увидел бы разницы. Мне нужно было наверстать упущенное время, поэтому я шёл быстро, не особо обращая внимания на мир вокруг себя. Тем не менее, когда я ступил в мутную темноту, она рывком вернула меня в реальность. Я остановился и просто застыл на месте. Было так темно, что даже не удавалось определить, где низ, а где верх.

А потом внезапно стало слишком ярко – словно прямо на меня кто-то направил луч света. Я поднял руку. Свет соскользнул прочь с моего лица. Я наблюдал за тем, как лучик света пробежал по комнате и остановился на седой пожилой женщине. Она расположилась за огромным столом. Я подскочил на месте, удивлённый её внезапному появлению.

– Чёрт тебя возьми, Норман, – воскликнула она, зажмурив глаза за линзами огромных очков.

– Проектор погас, – хрипло отозвался Норман.

– Если ты не заметил, то электричества нигде нет. Хватит уже светить мне фонариком в глаза!

На секунду всё замерло. Затем по щелчку снова погрузилось во тьму. Должен заметить, вокруг стало ещё темнее. Намного темнее. После света прямо в глаза мне казалось, будто отключился не только фонарик, но и моё зрение. От этого по спине побежали мурашки.

Я не знал, что делать. Мне нужно было доставить костюм. Я подумал, что могу вспомнить, в каком направлении находился стол. Может быть, получится добраться до него вслепую?

– А что это за мальчишка? – спросил Норман откуда-то из темноты.

– Я не знаю, Норман.

Раздался звук чиркнувшей о коробок спички. Затем она вспыхнула с характерным тихим «пыщщ».

Лицо пожилой женщины устрашающе исказилось длинными вытянутыми тенями, пока она зажигала лампу в руке.

И затем появился свет.

Он дрожал и танцевал на стенах. В рамках висели различные плакаты. Они напоминали афиши к фильмам, но изображали мультяшек. В частности – одного

персонажа, который всё время улыбался. Мне захотелось рассмотреть плакаты поближе. Куда я попал? Что это было за место? Почему персонаж выглядел таким знакомым?

– Ну вот, мальчик, теперь я тебя вижу. Что тебе нужно? – спросила женщина. Она сидела за столом так низко, что над столешницей виднелись только её очки и макушка.

– Я, эээ...

Вопрос был не сложный. Однако я забыл, для кого предназначалась доставка. Поэтому опустил голову вниз и стал возиться с чёрным чехлом для одежды, чтобы отыскать имя на бирке.

– Иди сюда, я ни черта не разберу, что ты там бормочешь, – велела женщина. Над столом появилась её рука, которая резким жестом требовала подойти поближе.

Я повиновался, всё ещё пытаюсь отыскать имя владельца костюма.

– У меня костюм, – сказал я в попытке выиграть немного времени.

– Угу-угу, – отозвалась женщина.

Наконец мне удалось отыскать бирку.

Тогда впервые его имя стало для меня чем-то, что оставило отпечаток в памяти. Впервые оно обрело какой-то смысл. До этого момента для меня было важно лишь вовремя добраться до студии и не быть уволенным. Вот о чём я думал. Так что я помнил адрес и знал, что студия находилась на Бродвее. Однако имени заказчика я не слышал и не видел.

– Ну же, мальчик, отвечай. У меня не так много времени.

– Джоуи Дрю, – сказал я. – Я ищу мистера Джоуи Дрю.

– И кто это его ищет? – спросил Норман с подозрением в голосе.

– Мистер Шварц, – выпалил я. Это не самый подходящий ответ, но темнота и поведение Нормана почему-то заставляли меня нервничать. Нисколько не улучшал ситуацию дрожащий свет, который освещал улыбающегося на плакатах персонажа.

– Кто? – поинтересовалась женщина.

– Портной, который сшил для него костюм. У меня костюм мистера Дрю. Я курьер... с... его... костюмом.

– Так он покойничек, – сказал Норман.

Я повернулся к мужчине. Тот стоял слишком далеко от света лампы, поэтому представлял собой только тёмный силуэт.

– Он... умер?

Сердце бешено стучало в груди. Я не понимал, как такое возможно. И это странным образом почему-то пугало.

– Не, – с усмешкой ответил Норман. – Не умер.

– Я... не понимаю, – сказал я и снова повернулся к пожилой женщине.

Она лишь пожала плечами:

– Шутки Нормана никто не понимает.

– Так это была шутка? – я оглянулся на мужской силуэт.

Норман всё ещё смеялся. Однако от его смеха, в котором совсем не слышалось веселья, мне легче не стало – это уж точно.

– Пошли со мной, – сказал Норман. – Его девчонка ушла на весь день, так что можешь лично доставить ему костюм.

Я покосился на женщину. Она кивком дала разрешение следовать за мужчиной, хотя, честно говоря, мне этого не очень-то хотелось. Знаешь, я уже тогда сделал вывод: нам с Норманом вряд ли удастся когда-либо поладить.

Мужчина включил фонарик и повёл меня по узкому коридору. Луч света от фонарика был направлен вперёд – в отличие от света лампы. Поэтому я видел только силуэт Нормана и решётку лифта, что маячила в конце коридора. Время от времени ещё можно было заметить мелькающие плакаты с мультяшками и тому подобное. Даже в темноте они казались невероятно счастливыми. Мне же от них становилось не по себе – так же как и от улыбающегося героя, которого я видел в лобби. Странно.

– На лифте не получится, – сказал Норман. Его лицо всё ещё скрывалось в темноте. Я кивнул – ведь электричества-то, очевидно, не было. Норман толкнул от себя дверь рядом с лифтом, фонариком указав табличку со словом «лестница». Хотя, правда, я бы и сам догадался, что воспользуемся ей.

Мы начали вместе подниматься вверх, следуя за лучом фонарика. Иногда я оглядывался, чтобы устремить взгляд на всепоглощающую черноту. Мне казалось, будто бы всё позади стирается ластиком. И если не поторопиться, меня тоже сотрут.

В общем, было слишком жарко. Мой мозг выдумывал всякого рода истории.

Говорят, будто бы реальная жизнь бывает ещё более странной, чем вымысел. Но я никогда не подозревал, что нечто подобное может переплюнуть все пугающие мысли из моей головы.

Я ошибался.

Норман остановился на третьем этаже. Сказать, что я вспотел – ничего не сказать. Рубашка и майка промокли насквозь. Волосы на голове слиплись. Под воротник рубашки от основания шеи стекали капли пота.

– Держи, парень, – сказал Норман и протянул мне фонарик.

– Это ещё зачем?

– Я знаю, как добраться до своей будки, а ты ничего не знаешь. Топай дальше. Удачи.

Я взял фонарик. Когда Норман отступил в тень, я окликнул его:

– А дальше – это куда?

– Наверх, парень. На самый верх, чёрт побери. – Он рассмеялся в темноте. Ох, как же мне не нравился этот смех.

И вот я остался стоять с костюмом мистера Дрю в одной руке и фонариком в другой. Я чувствовал, как пот струится вниз по спине к одному интересному месту. И кто знал, сколько ещё ступенек предстояло преодолеть. Я посветил фонариком вверх, пытаюсь прикинуть расстояние. Однако старые деревянные ступеньки будто вообще никогда не заканчивались и вели прямым ходом в рай. Я посветил фонариком вниз, разглядывая ступени, уходящие в темноту прямым ходом в... Ну, ты понимаешь.

В общем я поднялся вверх по лестнице настолько быстро, насколько мог. Это было невероятно утомительно и жарко. Не оставалось уверенности, что вообще доберусь до верха. Мне кажется, в дальнейшем развитии событий следует винить именно эту лестницу. Видишь ли, когда я добрался до последней ступени и попал через дверь на этаж, дышать стало ещё труднее – горячий воздух имеет свойство подниматься вверх. В итоге я просто рухнул. Прямо на пол. Нет, я не потерял сознание, а всего лишь упал. Но очень сильно и с грохотом. Полагаю, мистер Дрю услышал шум и именно поэтому вышел из своего кабинета.

– Эй, что тут за шум?

Несмотря на полуобморочное состояние, голос мистера Дрю произвёл на меня неизгладимое впечатление. Его тон был уверенным и дружелюбным. Не могу точно сказать, что именно делает голос дружелюбным. Однако не думаю, что я один описал бы его именно так. Мне кажется, мистера Дрю многие любили именно из-за голоса. И доверяли ему.

– Извините, – отозвался я с пола. – У меня доставка для мистера Джоуи Дрю.

– Я и есть мистер Джоуи Дрю, – сказал он. Передо мной материализовалась протянутая рука, за которую следовало схватиться – что я и сделал. Мистер Дрю помог мне подняться на ноги. – Ты в порядке?

Я кивнул.

– Хорошо. – Он не сразу отпустил мою руку, а на секунду задержал на ней взгляд, будто бы изучая. Я не был уверен, что именно делал мистер Дрю. Однако это показалось странным. В конце концов, он отпустил мою ладонь и сказал: – Пошли ко мне в кабинет, парень.

В кабинете были окна, поэтому я мог всё видеть и без фонарика.

– Присаживайся, выпей воды. – Мистер Дрю пододвинул ко мне кружку, когда я уселся напротив него за деревянный письменный стол. Я сделал глоток тёплой воды, которая в тот момент показалась свежей целебной влагой горного источника.

– Итак, – начал мистер Дрю, откинувшись в кресле, – кто ты такой и что здесь делаешь?

Я сделал ещё один большой глоток, а затем начал отвечать на вопросы.

– Я курьер, работаю на мистера Шварца. Принёс ваш костюм.

– А! – воскликнул мистер Дрю, громко хлопнув ладонью по столу, отчего я подпрыгнул на месте. Я тогда ещё не знал, как часто он делает подобный жест. Честно говоря, мне так и не удалось привыкнуть. – Так это костюм! Замечательно! Давай его сюда.

Я так и сделал. Мистер Дрю расстегнул пуговицы на чехле и кивнул.

В этом был весь мистер Дрю. Он всегда вёл себя как-то уж слишком экспрессивно – словно выступал на сцене. Будто все могли видеть даже мельчайшие движения. Когда мистер Дрю выражал своё одобрение – как это он только что сделал с костюмом, – это казалось самым лучшим чувством в мире.

– Шикарно, просто шикарно. Только посмотри, какое мастерство.

Возможно, я слишком устал от жары, не знаю. Но я произнёс:

– На самом деле это работа моей мамы.

Мистер Дрю посмотрел на меня. Я почувствовал, как кровь отливает от лица. И зачем только это ляпнул? Я мысленно выругался.

– Что ж, она весьма талантлива. – Он положил костюм на стол и наклонился вперёд, пристально разглядывая меня. Мистер Дрю словно пытался по моим глазам прочитать, что у меня на уме. – А что умеешь ты, парень?

– Что?

– Твои пальцы. Ты писатель? – поинтересовался он.

Я посмотрел на свои пальцы. Они были покрыты пятнами чернил. Больше всего пятен красовалось на больших и указательных пальцах. Я так привык к ним и даже не осознавал, что это являлось чем-то неестественным.

– Иногда я рисую, – сказал я.

– Ты иногда рисуешь. – Он улыбнулся, когда услышал мой ответ. – Я тоже иногда рисую.

В тот момент я осмотрел кабинет мистера Дрю. Я теперь чувствовал себя немного увереннее и поэтому мог осознать, что же находится вокруг. В комнате стояли шкафчики с книгами и бумагами. Тут и там мелькали чернильницы. В углу находился чертёжный стол. На стенах висело ещё больше плакатов. И не только плакатов. А также набросков, незаконченных рисунков с неразборчивыми словами рядом с ними, стрелочками и перечёркнутыми фразами – всё это напоминало обои.

И тут мой взгляд упал на стол. Тот тянулся практически вдоль всей дальней стены. Предмет мебели был покрыт ещё большим количеством бумаги. И книгами. На столе также стояла какая-то высокая стеклянная награда и рамочка

с картинкой мультяшных персонажей и подписью «Генри Штейн».

– Вау, – выдохнул я, не удержавшись.

– У меня чуйка на людей, парень. Я чувствую... Я просто знаю иногда. – Он протянул мне листок бумаги с наброском улыбающегося героя, которого я уже видел внизу. – Что ты видишь?

Я присмотрелся. Персонаж не походил на человека. Его тело, по сути, было овалом. От тела тянулись расширяющиеся к концу руки и ноги. На нём были надеты чёрные ботинки и белые перчатки. На шее у персонажа красовался галстук-бабочка. У героя было круглое лицо, на котором располагались два больших чёрных глаза. Однако намёка на нос не было и в помине. Зато сияла улыбка. Широкая зубастая улыбка.

– Я вижу проказника. Того, кто много шалит и попадает в неприятности. Но для него это нормально.

Я поднял взгляд на мистера Дрю. Он улыбался почти так же, как и персонаж на рисунке.

– Да! Именно, – воскликнул мужчина, указывая на меня пальцем. – Ты знаешь, как много людей просто говорят «я вижу мультяшку»? Но ты всё правильно понял.

Я кивнул. Конечно, подумал я. Наверное. Я снова опустил взгляд на рисунок и заметил: голова героя была не совсем круглой. Макушка напоминала печенье, от которого откусили кусочек – при этом очень ровно, не оставив следов зубов. Погодите. Я понял! У него были рожки. Его голова оканчивалась рожками.

– Он дьяволёнок!

Мистер Дрю отодвинул стул, царапая ножками по деревянному полу. Я поднял голову и заметил: мужчина обошёл свой стол и прислонился к нему, продолжая улыбаться.

– Парень, как ты смотришь на то, чтобы работать на меня? Мне нужен своего рода курьер, но лишь в пределах этого здания. Помощник, который бы разносил всякую всячину по отделам. Сколько бы тебе ни платил Шварц, я буду платить в два раза больше. Я прослежу за тем, чтобы тебя зачислили в художественный отдел в качестве стажёра. И дали шанс проявить себя. А ещё, может быть, у тебя получится чему-нибудь научиться между делом.

Поначалу я не совсем понял, о чём толкует мистер Дрю. Но когда до меня дошло, стало сложно этому поверить. Я весь день переживал, что мистер Шварц уволит меня. Теперь же поступило предложение о работе мечты. В конце концов, у меня получилось улыбнуться мистеру Дрю в ответ и пожать ему руку.

– Хорошо, – отозвался мужчина. – Прекрасно. В общем, я и есть Джоуи Дрю. Это моя студия. Можешь звать меня мистер Дрю.

– Хорошо, мистер Дрю.

– А ты у нас кто?

– О, я Дэниэл, сэр, но все зовут меня Бадди или Бад. Или ещё как-нибудь. На самом деле, мне всё равно, как.

– Приятно познакомиться с тобой, Бадди. – Он протянул руку и забрал у меня рисунок с персонажем. Затем перевернул его ко мне. Расположившись бок о бок, они повторяли улыбки друг друга, подобно отражению в зеркале. – А это, – сказал мистер Дрю и постучал пальцем по картинке, – это Бенди.

2

– Это Бенди.

В тот момент меня представляли двухмерному изображению. Это показалось милым. Хотя «милый» не считалось словом, которое я часто употреблял в повседневной жизни. Тем не менее – да, признаюсь: это было мило. Приятно познакомиться с тобой, вымышленный персонаж. Сейчас я хочу объяснить:

теперь мне стало понятно... Сравнить то, что мне известно сейчас, с тем, чего я не знал тогда...

Некоторые условности были мне неизвестны. Например: когда мистер Дрю улыбался, нужно было смотреть ему в лицо и искать небольшие морщинки в уголках глаз. Каждый художник знает об этих морщинках. Такие следы делают улыбку более естественной. Тогда я был ещё не совсем художником. Пока нет. Поэтому я не понял: чего-то не хватало.

Я также не знал, что процедура знакомства может иметь большое значение. В понимании не укладывался негласный посыл, когда на вечеринке кто-то пожимал тебе руку и представлялся; или когда мистер Дрю представлял меня. Я не знал, что мне вообще требовалось всё это как-то интерпретировать. Как жаль – я тогда не понимал, что мистер Дрю ждал от меня озарения. Ждал, когда у меня в голове что-то щёлкнет, и всё встанет на свои места.

Я не знал, что мистер Дрю внимательно наблюдает за моей реакцией.

– Привет, Бенди, – сказал я, подыграв мистеру Дрю. Тот рассмеялся и отложил рисунок.

– Так ты его не знаешь, да? – спросил он.

Я мотнул головой. Правда не знал.

– Прискорбно, – пробормотал мистер Дрю, скорее обращаясь к самому себе, нежели ко мне. Это я понял, поэтому ничего не ответил.

Дело в том, что в тот момент мистер Дрю считал, будто я должен знать, кто такой Бенди. Готов поспорить, многие бы задались вопросом: почему я не знаю о Бенди? В конце концов, он был героем короткометражек, которые появились до полнометражных фильмов. А ещё его изображение красовалось на консервных банках с супом. Ради всего святого, маленький дьявол рекламировал военные облигации! Я знаю, знаю, мне должно быть стыдно.

Не то чтобы я никогда прежде не видел Бенди. Как писал ранее, он показался мне знакомым. Так что я не узнал персонажа не потому, что о нём не слышал.

Просто когда ты живёшь в Нижнем Ист-Сайде, там растёшь, ходишь в школу, затем бросаешь её, чтобы заработать денег... Когда твой опыт, связанный с кинематографом, ограничивается Доном Миллером, который придерживает дверь чёрного входа в кинотеатр... В общем, ты не можешь посмотреть столько же мультфильмов, сколько обычно смотрит среднестатистический ребёнок. Если бы про Бенди продолжали выпускать комиксы к тому времени, как я начал рисовать, то всё было бы иначе. Ведь вокруг комиксов вращалась вся моя жизнь.

Ничьей вины в этом нет. Во всём можно было винить лишь бедность. Лишь моё стремление помочь маме, работая по двенадцать часов в сутки.

И давайте будем совершенно откровенны: мультфильмы про Бенди уже не были такими популярными. Пик их популярности пришёлся на время, когда я только появился на свет. Так что маленький дьявол не являлся чем-то важным. Он из себя ничего особого не представлял. Уже почти ничего не значил.

Только вот для мистера Дрю Бенди был всем.

– Вот и я о чём толкую. В этом-то всё и дело, – сказал он, выпрямившись. Затем начал расхаживать по комнате. Мистер Дрю всё ещё говорил сам с собой. Однако он рассуждал настолько громко, что я не мог сейчас просто это проигнорировать.

– Извините, сэр, вы о чём? – спросил я.

Мистер Дрю взглянул на меня, но продолжил ходить из стороны в сторону.

– Куда катится эта студия? К чему мы пришли, если ребёнок твоего возраста не знает Бенди? Вот в чём соль. И вот она – причина.

Мистер Дрю всё ещё говорил что-то непонятное. В голове не укладывалось: как несколько предложений, в которых вроде бы читался смысл, могли звучать как полная бессмыслица?

Тебе нравится такая формулировка, да, Дот? Я знаю, что нравится. Ты любишь забавную игру слов.

Надеюсь, ты мной гордишься.

Надеюсь, ты это читаешь.

Надеюсь, ты жива.

Так на чём я остановился?

Точно.

– А, ясно, – отозвался я. Не знал, что ещё можно было ответить.

Наступила тишина. Мистер Дрю перестал расхаживать из стороны в сторону. Я умолк. А затем глава студии громко хлопнул в ладоши. Неожиданно и резко. Хлопок заставил меня подскочить на месте. Он прозвучал, словно выстрел – я едва не бросился в укрытие.

Я навсегда запомнил тот момент: из всех воспоминаний, которые теперь переплелись между собой в этом разуме, в этой голове, – то воспоминание по какой-то причине выделяется. Как раз в ту секунду, когда мистер Дрю хлопнул в ладоши, снова включились лампы. Казалось, будто бы они ждали его команды. Словно он их контролировал.

Это было не так. Но я тогда сделал именно такой вывод. По какой-то причине мне хотелось верить, что, может быть, мистер Дрю владеет какой-то сверхъестественной силой.

Но это не так. Он не обладал ею. И сейчас не обладает. Не дай никому убедить тебя в обратном.

Мистер Дрю заметил появление света и рассмеялся: «Ха!» Да, именно так, как я написал: «Ха!» Он повернулся ко мне и снова улыбнулся.

– Пошли, парень, я проведу для тебя экскурсию.

Я кивнул. Все странные мысли, промелькнувшие в тот краткий миг, исчезли. Я оживился. Мне покажут студию, которая производит мультфильмы. Мне

доведётся познакомиться с другими художниками. Когда я проснулся утром, то даже представить себе не мог, что мой день пройдёт именно так.

– Здорово! – я мгновенно подскочил на ноги и последовал за мистером Дрю из его кабинета в теперь уже ярко освещённый холл. Рядом с дверью за столом сидела женщина. Она была миниатюрной, с чёрными как смоль волосами, завитыми в идеальные локоны.

– Мы отправляемся на экскурсию, мисс Родригес, – объявил мистер Дрю, когда мы проходили мимо неё.

– Том здесь, – отозвалась женщина, не открывая взгляда от своей пишущей машинки.

И в самом деле – рядом с лифтом в одном из кресел сидел высокий широкоплечий мужчина. Он расположился закинув ногу на ногу, и держал на коленях свою шляпу. Рядом стояла жёлтая сумка, похожая на чемоданчик с инструментами, со словом «Gent» на ней.

Я покосился на мистера Дрю и заметил: его улыбка дрогнула, словно лампочка, которая должна была вот-вот погаснуть. А затем вновь стала яркой. Мистер Дрю указал на мужчину рукой и произнёс: «Томми Коннор!» Это не было вопросом.

Мужчина встал, взяв с соседнего кресла длинный узкий тубус из картона. Мистер Дрю заметил тубус и кивнул на него, но ничего не сказал. Его улыбка стала ещё шире.

– Да, сэр, – ответил Том, хотя никакого вопроса не прозвучало. – Он здесь.

Что здесь?

– Прости, Бадди, мне нужно на встречу. Большие планы, парень, большие планы, – сказал мистер Дрю. – Приходи в другой раз. Первым делом мы тебя устроим на работу. – Он не смотрел на меня, но твёрдо похлопал рукой по спине, пока другой рукой указывал в сторону своего кабинета. – Прошу сюда, Томми.

– Мистер Коннор, – поправил Том, проходя мимо.

Мистер Дрю лишь рассмеялся на это – хотя я не понял, в чём заключалась шутка. Они скрылись в кабинете, закрыв за собой дверь.

Я остался один.

Я подошёл к секретарше. Та и не взглянула на меня. К тому моменту я этого от неё и не ожидал. И ещё я не знал, что сказать.

– В качестве кого он тебя нанял? – спросила мисс Родригес.

– В качестве помощника. Может... Может, художника. Он сказал, что я буду в художественном отделе. – Я уже не был уверен в том, в чём именно будет заключаться моя работа.

Мисс Родригес перестала печатать и отклонилась назад, глядя вниз. Она открыла ящик стола и вытащила пухлый конверт, набитый бумагами. Наконец она посмотрела на меня и протянула мне конверт:

– Заполни всё это и принеси завтра с собой. Подходи к девяти утра и зарегистрируй своё появление у миссис Миллер, которая сидит на первом этаже в лобби.

Я взял бумаги и кивнул.

– Спасибо.

Мисс Родригес на мгновение задержала на мне взгляд – будто хотела что-то сказать. Но ничего не произнесла и просто вернулась к печатной машинке.

Я не сразу направился домой. Сначала нужно было встретиться с мистером Шварцем. Сообщить ему, что костюм доставлен, а мистер Дрю остался доволен.

А затем мне нужно было уволиться.

Увольнение, эээ, не прошло как по маслу. Однако меня не слишком волновало, насколько красным стало лицо мистера Шварца или как яростно он тыкал в мою сторону пальцем. Завтра утром я собирался начать работать в студии Джоуи

Дрю. Никто не смог бы меня остановить. Единственное, что меня пугало, – это то, что мистер Шварц может направить свой гнев на мою маму и уволить её. Но он этого не сделал. Мама была слишком хороша в своём деле. Иногда я мечтал о том, чтобы она просто взяла и открыла своё собственное ателье.

Что ж, может быть, так и будет. Возможно, когда я буду хорошо зарабатывать. Когда стану художником студии Джоуи Дрю. Я улыбнулся от этой мысли.

После всего произошедшего я всё ещё не был готов идти домой. Я вибрировал от волнения, поэтому немного побродил по району. Удалось получить бесплатный пончик от миссис Панек, когда она закрывала закусочную. А ещё ребята Джэнковски пытались уговорить меня поиграть с ними в стикбол[3 - Стикбол – уличная игра, правилами напоминающая бейсбол.]. Я улыбался и продолжал идти. Так и добрался до Ист-Ривер[4 - Ист-Ривер – судоходный пролив в Нью-Йорке.], когда небо стало приобретать тёмно-фиолетовый оттенок.

В Бруклине горели фонари. Они напоминали звёзды, которые зажглись на другом берегу реки.

Я сел на скамейку, едва не приземлившись в голубиное дерьмо. Но заметил его в последний момент и быстро изменил траекторию движения своей задницы. Возле воды воздух казался не таким затхлым. Солнце почти село. Стало прохладнее.

Я почувствовал себя спокойнее. Вибрирующее волнение сегодняшнего дня постепенно окутывало меня, подобно одеялу. Я всё ещё чувствовал себя счастливым. Однако это ощущение стало казаться более реальным.

Иногда такое случалось.

* * *

Я вернулся домой поздно. Очень поздно. В коридоре горел свет. Это было очень мило с маминой стороны. Но в то же время я знал, что немедленно следовало его погасить. Если счета за электричество росли, маме приходилось работать больше. Я надеялся, что теперь, с моей новой работой, счета за электричество перестанут быть такой уж большой проблемой. Возможно, теперь мама сможет

сидеть и читать с комфортом, а не при свете свечи.

Я также знал, что, вероятно, получу выговор утром за столь позднее возвращение. Маме нравилось знать, где я нахожусь. Как будто я маленький ребёнок. Ну, не моя вина в том, что я потерял счёт времени... Сегодня был особенный день.

Я открыл дверь настолько медленно, насколько оказалось возможным. Мама спала на кушетке в гостиной рядом со входом. У нас всё располагалось в одном месте: кухня, где мы ели, и гостиная, где мы отдыхали. Входная дверь вела прямым ходом сюда. Мама свернулась калачиком под покрывалом, уснув глубоким сном. Я тихонько снял обувь и с ботинками в руках прокрался к себе в комнату.

В моей комнате никогда не было так темно, что хоть глаз выколи. Забавно, но до сегодняшнего дня, пока я не простоял в тёмном лобби студии Джоуи Дрю, я и понятия не имел о существовании разных видов темноты. Никогда не возникало мысли о том, что уличный фонарь за нашими окнами позволял мне, не врезаясь во всё подряд, найти кровать, бросить одежду в угол и в пижаме забраться под одеяло.

Мне и в голову не приходило: может быть так темно, что ты не сумеешь разглядеть свою собственную ладонь у себя перед глазами.

Тогда ещё я не знал о подобной тьме.

Я сбросил с себя одеяло и секунду просто лежал на кровати в попытке поймать хоть немного прохлады. Затем встал и приоткрыл окно. Разницы в температуре в доме и на улице не было. Однако в шуме города ощущалось что-то успокаивающее. Я лёг обратно и закрыл глаза.

Иногда ты не понимаешь, что уснул. Именно это со мной тогда и произошло. Я думал, будто бодрствую и пытаюсь заснуть – когда вдруг осознал, что больше не лежу в постели.

Вокруг всё ещё стояла кромешная тьма – как тогда, когда ты закрываешь глаза. Но я стоял с открытыми глазами. Я пытался разглядеть хоть что-нибудь. Безуспешно. Так что я направился вперёд – в темноту.

Впереди что-то было.

Я слышал.

Может, это чьё-то дыхание?

Но по неведомой причине я не мог понять, было ли это «что-то» живым. В тот момент казалось, что я не сплю, поэтому мысленно сказал себе: «У тебя нет на это времени, тебе нужно спать». Однако продолжал идти вперёд.

Наконец я дошёл до двери. Она просто материализовалась передо мной. Но я не удивился. С другой стороны двери раздавался стук. Он заставил меня сделать шаг назад. Что-то подсказывало: я не должен отрывать дверь.

Тук-тук.

Я сделал ещё один шаг назад. Непонятным образом дверь оставалась прямо передо мной.

Наступила долгая тишина.

Огромная рука проломила деревянную поверхность двери, вызвав дождь из щепок. Раздался рёв. Я попятился назад. Сбежать не получалось. Рука пыталась схватить меня, вслепую мотаясь из стороны в сторону.

Я проснулся внезапно, лёжа лицом в подушку. Простыня подо мной была пропитана потом. Сердце ушло в пятки.

Это был сон, уверил я себя. Всего лишь сон.

Я перекатился на спину и уставился на полоску света от уличного фонаря, бегущую по потолку. В углу по штукатурке шла трещина, возникшая от протечки труб. Время от времени из неё сочилась тёмно-коричневая жидкость. Пятно делало трещину похожую на реку Гудзон. Тёмную. Холодную. Наполненную неизведанным.

Почему у меня не получалось отделаться от ощущения, что за мной кто-то наблюдает?

Я покосился вправо.

На пороге моей комнаты стоял худенький человек.

Он мерцал в свете фонаря. Бледное, измождённое лицо было натянуто на череп, как тонкая бумага. Его глаза были широко распахнутыми и казались бездушными. Костлявое тело прикрывала длинная белая ночная рубашка.

Я мог лишь пялиться на незваного гостя. Дыши. Вытряхни сновидение из головы. Он ненастоящий. Проснись, и фигура исчезнет. Но незнакомец продолжал стоять на пороге моей комнаты. Без единого движения.

Его рука медленно поднялась и указала на меня. Именно тогда у меня сдали нервы. Я зажмурил глаза и заорал. Может быть, я поступил как трус, но я не мог пошевелиться. Я снова заорал. Всё моё тело кричало.

С жужжанием вспыхнули лампочки. Одна из них, расположенная над моей кроватью, по обыкновению угрожающе мигнула. Электропроводка в стенах пострадала из-за протечки воды сверху.

– Бадди, ты в порядке? – мама ворвалась ко мне в комнату, пытаясь на ходу натянуть свой сиреневый домашний халат. Ничего не получалось из-за застрявшего под поясом правого рукава. Я бы рассмеялся при обычных обстоятельствах. Однако моим нутром всё ещё владел ужас. Особенно сейчас: несмотря на зажёгшийся свет и давно растворившийся сон, старик продолжал стоять у меня в комнате. И выглядел он всё так же ужасающе.

Разумеется, я ничего не сумел ответить. Я не мог выдавить из себя ни слова.

Фигура повернулась к моей матери. И сделала шаг по направлению к ней.

Это помогло мне обрести голос.

– Держись от неё подальше! – прокричал я и вскочил с кровати. Моя нога угодила в дырку в нижней части вязаного одеяла на краю кровати. Я полетел на пол лицом вперёд.

– Боже мой, что происходит? – спросила мама.

Я попытался схватиться хоть за что-нибудь, чтобы подняться на ноги. Я чувствовал себя дураком. Затем приподнялся на локтях. Костлявая рука протянулась ко мне.

– Встаёшь? – спросил глубокий низкий голос с сильным акцентом. Такой акцент был мне хорошо известен.

Я поднял голову и уставился на старика. Его черты всё ещё казались мне слишком измождёнными. Однако в бледно-голубых глазах виднелась искра, из-за которой они не выглядели пустыми. Я протянул руку и ухватился за его ладонь. Она была тёплой.

Я встал и секунду смотрел на старика. Мы оказались почти одного роста. Возможно, он был всего на пару сантиметров ниже. Теперь незнакомец казался мне хрупким, а не пугающим.

Я посмотрел на маму. У неё получилось вдеть руку в рукав. Теперь она смотрела на меня так, словно я лишился рассудка. Возможно, так и было. Но с другой стороны...

– Кто этот старикан? – спросил я и указал на него – чтобы маме стало понятно, о ком идёт речь. Она выглядела озадаченной. Хотя мне ситуация слишком запутанной не казалась.

Мама закрыла глаза на мгновение и улыбнулась. Потом вздохнула и открыла глаза.

– Этот старикан – твой *zayde* [5 - (Идиш) – дедушка].

– Мой кто?

– Твой дедушка, Бадди. Мой отец, – сказала мама с некоторой запинкой.

Я перевёл взгляд на старика. Он не улыбался. И ничего не говорил. Просто стоял, как и прежде, в обрамлении дверного проёма.

– Что он тут делает?

– Послушай, я его сейчас отведу в постель. А потом вернусь, и мы поговорим, – сказала мама. Она пробормотала что-то старику на польском. Тот кивнул. Мама взяла его под руку и вывела из моей комнаты.

Я сел на кровати. Впервые за весь день я почувствовал усталость. Не восторг из-за мистера Дрю и не ужас из-за человека, который, судя по всему, был моим дедом. Просто усталость.

Мама вернулась и опустилась на кровать рядом со мной. И сразу же наградила меня одним из своих косых взглядов, которые у неё так хорошо получались. Этот взгляд означал: мама считает меня забавным. Не то чтобы она смеялась надо мной. Но и не сказать, что не смеялась.

– Прости, я не знал. Как я мог знать? – спросил я.

– Да ничего, это я виновата. Всё произошло так быстро. Не знала, что он сегодня приедет. Я и сама не была готова к его визиту. По крайней мере, я не уложила его в твою кровать. Только представь, какое это было бы потрясение! – со смешком сказала она.

– В мою кровать?

– У тебя большая кровать, Бадди. Нам придётся как-то потесниться на некоторое время.

Я тяжело вздохнул, но ничего не сказал. Моя мама была мягким, тёплым человеком. Однако не позволяй этому себя одурачить. С ней лучше не спорить. Всё равно не победишь.

– Когда ты не вернулся домой, я уложила его у себя. Мне не хотелось тебя пугать.

– Очень мило с твоей стороны, – сказал я, почувствовав себя жалким.

– Ведь правда же? – сказала мама, подмигнув мне. – И где это ты ходил допоздна? Ты хоть раз подумал о своей бедной матери, которая дома места себе не находила от беспокойства?

Я не считал, что уже настало время сменить тему. У меня всё ещё не хватало информации. Мой дедушка с «исторической родины» сейчас находился в нашей квартирке в Нью-Йорке, но почему? Причину мы так и не установили. Однако было поздно. К тому же мой ответ наверняка порадовал бы маму.

– Я получил работу, – сказал я, стараясь не улыбаться. Я стремился представить эту новость как нечто обыденное. Как будто бы мне было всё равно.

– А как же мистер Шварц? – спросила мама, закусив губу.

– Не волнуйся, он не разозлился. Ты работаешь всё там же. Но я надеюсь, тебе скоро тоже не потребуется работать на него. Моя новая работа лучше. Я буду стажёром в «Студии Джоуи Дрю». Кто знает, во что это может вылиться.

– Тебе будут платить?

– Конечно. Даже вдвое больше.

И только тут мама улыбнулась. Её улыбка выглядела едва различимой, и, может быть, я не должен был её заметить. Тем не менее что-то подсказывало: мама расслабилась. Я смог по праву гордиться собой.

– Что ещё за студия Джоуи Дрю? – спросила она, развернувшись ко мне лицом и положив одно колено на одеяло.

– Они там рисуют мультфильмы. Мультфильмы про Бенди. Я буду мальчиком на побегушках, но ещё и стажёром у художников. Научусь всякому.

Мама посмотрела на меня странным взглядом. Но в этом не было ничего необычного. Она всегда глядела на меня так, будто бы в её голове развивалась какая-то история. Эту историю мне не суждено было услышать. Какие-то секреты. Мама снова улыбнулась.

– Так ты будешь рисовать и получать за это деньги.

Это не было вопросом.

– Ага.

– И твой дедушка приезжает в тот же день, когда ты нашёл эту работу.

– Так и есть, – сказал я.

– Прекрасно. – Она улыбнулась.

Я не уловил связи между этими двумя событиями. И конечно же, мама не стала мне ничего объяснять. Забавно. Я начинаю понимать: в то время я особо не задавал никому никаких вопросов. Не задавал до того момента, как встретил тебя, Дот.

– Что ж, я рада за тебя, Бадди. – Мама наклонилась и поцеловала меня в лоб, отчего я почувствовал себя маленьким мальчиком. – А теперь ложись спать. Мы всё обсудим завтра.

Её слова заставили меня почувствовать себя ребёнком ещё больше.

Мама ушла, выключив свет. Я же забрался обратно под одеяло и только тогда вспомнил о своём сне. В голове закрутились мысли: насколько же сильно я шумел, что разбудил старика и заставил его прийти ко мне в комнату. И как же опозорился перед своим жутковатым дедушкой, который выглядел словно призрак.

Что за странный день.

И ночь.

Если бы я хоть немного был суеверным, то, наверное, увидел бы во всём этом знак. Заметил бы: что-то созревает. Что-то не так.

Но конечно же я ничего не заподозрил. Я не видел знаков до тех пор, пока не проходил мимо них напрямик по тёмной дороге, ведущей в тупик. Ещё одна метафора. И не такая уж плохая. Эй, Дот, у меня получается всё лучше и лучше.

З

Я голоден. Или, может быть, голоден он.

Я не знаю. Я просто чувствую голод.

Но не в этом суть. Писать из-за происходящего становится сложнее – как и думать. Мне трудно оставаться в сознании. Не уверен, что в этом есть какой-то смысл. Честно говоря, та часть, где я рассказывал про маму и дедушку в моей комнате, кажется, происходила не со мной.

Неужели то была история обо мне?

Я помню: пять чувств. Запах квартиры, старой и заплесневелой, но с примесью аромата мяса, картофеля и голубцов. Над кроватью – потолок с пятнами от воды. Звуки с улицы: шум машин, крики людей. Даже в два часа ночи. Колющее одеяло. Я помню всё это.

Я встретил тебя на следующее утро, Дот.

Думаю, можно сказать: я был человеком, который привык иметь дело с людьми – особенно если учесть мою работу курьером. Новые люди меня не особо тревожили. Мне нравилось смотреть на них. Это звучит странно, но я всего лишь хотел сказать: когда ты знакомишься с человеком, то отмечаешь в нём некоторые детали. Например, вот этому парню только что начистили ботинки. А у этого расплылось пятно от пота вокруг воротничка. Бигуди этой дамы заляпаны чёрным, а у той помада выходит за контур губ. Каждый уникален.

На самом деле сначала я увидел Дот издалека. Тогда я не знал, кто она. Лишь понимал, что человек вдалеке представляет собой невысокую коренастую девушку с широкими плечами и целеустремлённой походкой. Она, вероятно, была моей сверстницей. Засаленные медовые волосы уже с самого утра отказывались держаться в локонах. Очки в оправе «кошачий глаз» казались великоваты для её лица.

Затем я понял, что она тоже собирается войти через главный вход в «Студию Джоуи Дрю». После этого я немного пробежался и нагнал незнакомку. Дот придержала для меня дверь. Она окинула меня быстрым взглядом от макушки до пят. Всё произошло быстро, но девушка успела к тому моменту уже сформировать обо мне мнение. Я знаю – мы позже об этом говорили.

– Я подумала, что ты высокий, – сказала она потом.

– Ну, я высокий, – ответил я.

– Ты был похож на жеребёнка: состоял будто бы из одних конечностей. Казалось, ты в любую секунду можешь потерять равновесие. Мне это понравилось.

Я всё ещё не понимаю, почему ей это нравилось. Но я знаю – Дот всегда с подозрением относилась к развязной походке: «Как можно сказать, что человек искренний или полон фальши, если он всегда ведёт себя самоуверенно?»

Дот окинула меня быстрым взглядом и зашагала дальше своим решительным шагом. Она резко кивнула женщине за столом, а затем исчезла за углом, свернув в коридор.

Я же, напротив, направился к женщине. Та окинула меня подозрительным взглядом. Или нет. Может быть, у неё просто было такое лицо. Я никогда её об этом не спрашивал, так что не знаю.

Я много чего не спрашивал у людей.

– Привет, я Дэниел Левек. Ээ... Бадди, – сказал я.

Женщина продолжала смотреть на меня.

– Я, эм, я новый помощник и стажёр в художественном отделе.

Она не отрывала взгляда.

Кто-то похлопал меня по руке. Я оглянулся и нос к носу столкнулся с женщиной. Предположительно ей было около пятидесяти. Угловатое лицо обрамляли мягкие каштановые волосы. Шевелюра заканчивалась пышным завитком чёлки. Меж бровей залегла глубокая морщина, из-за которой казалось, что женщина была постоянно чем-то обеспокоена. Но в скором времени я узнаю: она всегда так выглядела.

– Ты Дэниел? – спросила она.

– Да, это я.

Женщина вытерла руку о фартук, который прикрывал её спереди, и протянула ладонь для рукопожатия. Её рука оказалась покрыта пятнами чернил. Равно как и кончики моих пальцев.

– Меня зовут мисс Ламберт. Я глава художественного отдела. Пошли со мной.

Я принял её ладонь. Мы пожали друг другу руки. Затем я последовал за мисс Ламберт по коридору, который вчера был тёмным и жутким. Сегодня же его ярко освещали гудящие лампы. Женщина отодвинула решётку лифта. Мы зашли внутрь. Закрыв за нами решётку, мисс Ламберт нажала на кнопку. Нас дёрнуло вверх. За всё время никто не проронил ни слова. Я этому совсем не противился. Меня нельзя назвать болтуном. Никогда таким не был. И никогда им не стану.

Определённо никогда не стану.

И это немного забавно.

«Юмор висельника» – именно так называет это явление Дот.

Так вот.

Меня также очень заинтересовал один момент: художественным отделом руководила женщина. Я немного размышлял над этим. Не думаю, что раньше удавалось видеть женщину, которая хоть чем-то руководила. За последние пару лет количество работающих женщин увеличилось. Я знал об этом – ведь мужчин не хватало из-за войны и всякое такое. Но чтобы женщина была начальником? Нет, такого я не встречал.

Я не понимал причины.

Лифт дёрнулся и замер. Мои зубы клацнули от неожиданной остановки.

Мисс Ламберт заметила и рассмеялась.

– Да, с ним такое бывает.

Она отодвинула решётку с лязгающим звуком. Мы вышли на этаже художественного отдела. Повсюду сидели художники. Каждый из них в своём уголке или закоулке склонился над столом и усердно трудился. Рабочее пространство было украшено рисунками и фотографиями. Вокруг царил организованный хаос. Мне это нравилось.

И ещё стояла полная тишина.

Я достаточно побывал в офисах в качестве курьера, чтобы знать о существующем там гуле разговоров и клацанье печатных машинок. Гул офиса напоминал шум города. Он был фоновым, почти успокаивающим звуком.

Но здесь единственным звуком, на котором получилось сосредоточиться, оказался шорох ручки по бумаге. Из-за этого я чувствовал себя так, словно любой звук с моей стороны станет помехой. Словно даже само дыхание звучало слишком громко. Может быть, мне не стоило дышать.

Мисс Ламберт не разделяла моих чувств.

– Эй, мне нужно всеобщее внимание! – громко заявила она.

Художники вскинули головы и направили взгляды в нашу сторону. Один мужчина у окна снял очки, протёр их и снова надел.

– Это Дэниел Левек, – произнесла она.

– Бадди, – поправил я мисс Ламберт. Она взглянула на меня. – Люди зовут меня Бадди.

– Ясно. Это Бадди. Он наш новый помощник.

– А разве Джоуи не приостановил набор новых сотрудников? – спросил человек у окна.

Мисс Ламберт пожала плечами:

– Он сам и нанял Бадди.

Мужчина пожал плечами и повернулся обратно к своему столу.

– Полагаю, ты можешь занять стол в конце комнаты. Извини, там темновато, но... Но у нас только он свободен, – сказала мисс Ламберт. Она указала в тёмный угол, который находился дальше всего от естественного освещения.

– А что мне делать? – поинтересовался я.

Женщина вновь пожала плечами.

– Думаю, просто ждать, пока кому-нибудь не потребуется что-то отнести или принести. – Женщина встретилась со мной взглядом. Выражение её лица несколько смягчилось. Не настолько, чтобы стереть морщинку меж её бровей – но всё же. – Всё будет хорошо, Бадди, мы с тобой всё продумаем. Но сейчас мне нужно вернуться к работе.

После этих слов я направился к своему столу, попутно осматриваясь. Помещение уже не казалось таким уж большим. Теперь я присмотрелся и понял: помимо меня здесь находились всего четыре человека. Стены представляли собой неокрашенные деревянные панели. Однако они практически полностью были

завешаны картинками и фотографиями людей, животных, пейзажей. Я предположил, что эти изображения использовались в качестве образцов для рисования поз и предметов в процессе производства мультфильмов.

Я сел за свой письменный стол. Да, в моём углу было темно, но не уныло. Даже почти возникло ощущение уюта. Над столом висели пожелтевшие рисунки Бенди и других персонажей. Среди них была девочка в коротком чёрном платье без бретелек и с нимбом над головой. И ещё кто-то, похожий на высокого волка с торчащими вверх ушами. Персонаж был одет в комбинезон.

– Это Ангел Алиса, а это Волк Борис и, ясное дело, Бенди, – раздался позади тёплый голос. Я обернулся и увидел одного из художников. Тот разглядывал меня сверху. – А я Джейкоб. Приятно познакомиться с тобой, малец.

Я пожал ему руку. Он был одет в модный серый костюм с бордовым галстуком. Атрибут образа сочетался с носовым платком, торчащим из нагрудного кармана. Стильно, однако.

– Спасибо. Наверное, мне стоит выучить это всё, – сказал я.

Джейкоб рассмеялся.

– Ага. Но никого не спрашивай. Особенно мистера Дрю. Если у тебя есть вопросы, адресуй их художественному отделу. Некоторые старожилы слишком уж чувствительны. У них просто в голове не укладывается, что кто-то может не знать этих персонажей.

– Понятно, – ответил я.

– Слава мимолётна, – сказал Джейкоб, немного сдвинув свою шляпу назад. Он улыбнулся мне и продолжил: – Можешь отнести эту папку сценаристам? Требуется их одобрение рисовки до того, как я продолжу.

– О, конечно, – отозвался я.

Я взял у него папку. Мужчина вернулся за свой стол. Я повернулся и упёрся взглядом в собственный стол, задумавшись над словами Джейкоба. Деревянная

столешница была затёрта в процессе многолетнего использования. В некоторых местах виднелись тёмные пятна от пролитых чернил. Ещё я заметил, что кто-то рисовал непосредственно на мягкой древесине, продавив в ней пару забавных глаз и нимб Алисы. А на самом краю столешницы было выцарапано имя. Оно не походило на другие вырезанные на столе штуки. Имя выглядело так, будто буквы основательно процарапывали раз за разом – чтобы надпись получилась более глубокой. Очевидно, это имя бывшего владельца данного стола.

– Я тебя не подведу, Генри, – промолвил я столу.

Затем я осмотрелся кругом и убедился, что меня никто не слышал.

Я встал и направился к мисс Ламберт. У неё не было секретаря. Я не знал, к кому ещё мне можно обратиться. Женщина подняла на меня взгляд, в котором читалось явное подозрение.

– Ээ, мне нужно отнести это сценаристам, – сказал я.

Мисс Ламберт пристально посмотрела на меня. От этого сложилось впечатление, что она не понимает причины моих слов.

– Ээ... это где? – спросил я.

– А, – поняла она. – Этажом ниже.

Потом мисс Ламберт вернулась к своей раскадровке. Я снова почувствовал себя почти невидимкой.

Так, просто бери и делай, сказал я себе. Просто произведи на народ приятное впечатление. Со временем тебе разрешат рисовать. По крайней мере, ты сейчас не на улице в такую жару.

Хотя, по правде говоря, внутри было не то чтобы намного прохладнее. Вентиляторы под потолком будто бы просто гоняли туда-сюда горячий воздух.

Я спустился на этаж ниже и оказался в другой комнате. Помещение было практически таким же, как и художественный отдел. Только вот над столами

склонилося больше голов. Возле входа же сидела молоденькая симпатичная секретарша. Она выжидающе уставилась на меня.

– Привет, я Бадди. Я тут новенький. Мне сказали принести сюда эту папку?

Почему-то я произнёс это с вопросительной интонацией, хотя знал ход необходимых действий. Я почувствовал себя идиотом.

– Отнеси её Дот, – сказала секретарша.

Я окинул взглядом комнату.

– А кто такая Дот? – поинтересовался я.

Теперь женщина смотрела на меня, как на идиота.

– Единственный сценарист женского пола? – тоже с вопросительной интонацией ответила она – хотя это определённо был не вопрос. И от этого я почувствовал себя ещё более глупо.

Я коротко кивнул и оглянулся в поиске особы женского пола. Наконец взгляд наткнулся на неё. Девушка сидела немного в стороне от остальной команды – рядом с окном, под которым располагалась невысокая книжная полка. Голова Дот была очень низко склонена над бумагой. Воображение нарисовало забавную картину: как она пишет собственным носом.

– Извините, – сказал я.

Дот посмотрела на меня строго, но без всякого удивления. Она не выглядела напуганной. Просто... напряжённой.

Ну конечно. Теперь я вспомнил. Это была та самая девушка, которую я встретил внизу. Она придержала для меня дверь. Мне кажется, Дот тоже меня узнала.

– Да? – спросила девушка.

– Я должен доставить это вам. – Я протянул ей папку. Дот тут же взяла посылку одним коротким привычным движением.

Девушка снова на меня посмотрела.

– Я новенький, – решил пояснить я. – Мистер Дрю нанял меня вчера. Я из художественного отдела.

Почему слова продолжали литься? Обычно я не болтал так много. Так зачем же сейчас распинаться?

– Понятно, – бросила она и затем вернулась к своей писательской деятельности. Мне не оставалось ничего другого, кроме как уйти.

Так странно сейчас осознавать: те две мимолётные встречи помогли тебе составить обо мне хорошее мнение. Помогли тебе понравиться. Я никогда не пойму причин – но всегда буду благодарен тебе за это решение.

Мне повезло, что я тебя встретил.

* * *

Оставшаяся часть утра оказалась в основном связана с сочетанием слишком долгого сидения за столом и беготнёй по разным поручениям. Никто пока особо не ведал о моём существовании. Мисс Ламберт заверила: когда вся студия пронюхает о появлении нового помощника, я буду пользоваться большим спросом.

– Наслаждайся тишиной и спокойствием, пока можешь, – усмехнулась она. – И отнеси это в музыкальный отдел.

Я так и сделал. Спустился вниз на несколько этажей, пока не оказался на уровне музыкального отдела. Тогда в первый раз я по-настоящему осознал, что за сложный лабиринт представляет из себя здание студии. Мой отдел представлял собой одну большую комнату на этаже. Но теперь лифт открылся в узком коридоре. Он тянулся в обоих направлениях. Не наблюдалось никаких знаков, которые могли бы мне помочь выбрать путь. Коридоры оказались пустыми:

нигде не было людей. И это неприятно удивило – поскольку прочие зоны студии были довольно шумными. В душе зародилось жуткое ощущение. Моё воображение почти тут же начало строить предположения о случившемся со всеми сотрудниками. Я представил огромную руку, которая появилась из пола и сгребла весь народ в охапку. Это было забавно, но мне всё равно стало не по себе.

Я оставил подобные мысли – ведь это звучало глупо. Передо мной расстился всего лишь пустой коридор.

Я решил пойти направо. Я брёл, слушая шум собственных шагов, пока не вышел в небольшую комнатку с четырьмя дверьми. Три двери оказались заперты, а четвёртая вела в старый туалет. Им давно не пользовались. Я закрыл дверь. Мне всё ещё было не по себе. Запертые двери означали, что кто-то не хотел, чтобы туда заходили. Но туалетом никто не пользовался. Значит, сюда вообще никто не заглядывал. Так в чём дело-то?

От основного коридора отходил ещё один – маленький и тёмный. Однако я чувствовал, что выбрал неправильный путь, который ведёт лишь в глубь лабиринта. Поэтому я развернулся и пошёл обратно. В конце концов, у меня оставалось только два варианта. Я вернулся к лифту и в этот раз пошёл налево. Чувство уверенности в себе постепенно окрепло. В этой части коридора на стенах висели плакаты. Я шёл дальше. На стенах стали появляться листы с нотами, закреплённые в рамках. Даже промелькнуло несколько виниловых пластинок, тоже в рамках.

И затем внезапно я вновь оказался в обычном коридоре. Я резко развернулся на пятках, не понимая, как здесь оказался. Скорее всего, я где-то пропустил поворот. Начала подступать паника.

Всё это глупо. Коридоры не могли тянуться вечно. Здание студии было зажато между двумя другими зданиями. Это же Нью-Йорк – город на острове, который постоянно ползёт вверх. Ведь в бок двигаться некуда.

Просто иди обратно, и ты всё поймёшь. В итоге.

Но.

Я не смог вернуться назад. Также у меня не получилось найти обратную дорогу к лифту. Постепенно возникло довольно знакомое чувство. Оно появлялось у меня во время работы курьером на мистера Шварца. Я не хотел обзавестись репутацией парня, который опаздывает и на которого нельзя положиться. Не здесь, не в студии. И точно уж не в первый рабочий день.

Я оказался в другом коридоре. Этот выглядел темнее предыдущих. Теперь я по-настоящему испугался. Я заблудился в лабиринте. К тому моменту воображение начало брать надо мной верх. Каждый раз, когда я сворачивал за угол, живот слегка сводило от мысли о том, что можно там обнаружить.

Или кого.

Я в очередной раз повернул за угол, наконец что-то услышал. Я внимательнее прислушался.

Музыка.

По коридору плыла музыка. Она была едва различимой и тонкой. Как медленный и высокий крик. Мелодия становилась громче, а затем затихала. И снова громче. И потом тише. Я последовал за звуком и свернул за угол. Лампы здесь светили ярче. Я наткнулся на огромный пустой письменный стол рядом с дверью. Над столом располагалась табличка с надписью: «Музыкальный отдел». Музыка слышалась из-за двери. Кто-то её исполнял. И этот кто-то мог мне помочь выбраться из этого лабиринта.

Я осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь. За ней оказался огромный зал с потолком высотой в два этажа и сценой. На задней стене мерцал квадрат яркого белого света – словно в бобине только что закончилась плёнка. Я повернулся посмотреть на противоположную стену. Сверху располагалась будка киномеханика. Однако свет был настолько ярко, что я не видел: тот ли там парень Норман, которого я встретил вчера, или же кто-нибудь другой. Так что я развернулся и прошёл дальше по залу. Сцена была заполнена стульями и пюпитрами. Музыкальные инструменты стояли на сиденьях. Рядом на полу лежали чехлы от них. Мне показалось, будто бы все ушли на обеденный перерыв – кроме одной дамы. Она играла на скрипке.

Женщина сидела посреди сцены, окружённая лесом из пюпитров. Её волосы были прямыми и длинными, без всякой укладки. Листы с нотами скрывали от меня лицо женщины и большую часть инструмента. Я мог видеть лишь её руку и пальцы. Те, словно когти, зажимали струны на грифе скрипки.

Мелодия, которую исполняла женщина, звучала медленно и напряжённо. Вообще, её с натяжкой можно было назвать мелодией. Эти звуки пронзили мне голову и заставили почувствовать лёгкое головокружение.

– Извините? – тихо произнёс я, не желая вмешиваться. Но в то же время не зная, что делать.

Женщина вскинула голову. Музыка тут же остановилась. Она уставилась на меня тяжёлым взглядом, направленным из-под полуприкрытых глаз.

– Привет, извините за беспокойство, но я заблудился...

За пределами зала раздался громкий треск. Затем донёсся мучительный крик. Женщина встала и уставилась на дверь. Я обернулся. Сердце бешено забилося.

– Что это?

Женщина лишь смотрела, застыв в абсолютно неподвижной позе. Затем прошептала:

– Он идёт.

Я повернулся к ней.

– Кто?

Внезапно в зале потемнело. Я резко обернулся и увидел: проектор погас. Теперь помещение освещала единственная лампочка в углу. Грудь сковал страх. Но ведь изменилось только освещение. Вот и всё. Больше ничего.

Бум.

Я медленно повернулся к двери. И тут же вспомнил о своём кошмарном сне. Вокруг темнота. Рука тянется через дверь. Я покосился на скрипачку. Она стояла абсолютно неподвижно в своём длинном чёрном платье. Волосы женщины слились с нарядом и делали её похожей на длинную тень. Незнакомка не развернулась. Не бросилась бежать. Она просто смотрела на дверь.

Бум. Бум.

Казалось, будто кто-то хромает, тяжело припадая на одну ногу. Где-то снаружи. Но приближается.

Нет. Я не собирался позволять своему мозгу меня пугать.

Бум. Бум.

Это уже не кошмарный сон.

Я медленно подошёл к двери, глубоко вдохнул и резким рывком открыл её.

За дверью никого не было.

– Он идёт.

Я посмотрел на скрипачку. Та указала смычком на дверь.

– Кто? – опять поинтересовался я.

Женщина ничего не ответила – просто смотрела на меня. Я начинал чувствовать себя больше раздражённым, нежели испуганным. Со вздохом снова повернулся к двери лишь затем, чтобы столкнуться нос к носу с существом, чьё лицо было покрыто чёрной капающей жижой.

Я попятился. Папка выпала из рук и шлёпнулась на пол. Монстр ворвался в комнату, схватившись за дверную раму – чтобы протолкнуть себя в моём направлении. Всё его тело было покрыто тёмной сочащейся жидкостью. Существо схватилось за своё лицо со стоном, полным невыносимой муки. И упало на меня. Я не смог отскочить, запутавшись в собственных ногах. Монстр

навалился на меня, испачкав моё тело липкой мокрой субстанцией. Я изо всех сил оттолкнул его, пока тот царапал своё лицо. Незнакомец не переставал издавать ужасающий гортанный вой. Каждый раз, когда монстр открывал рот, в него начинала затекать чёрная жижа. Она заставляла существо булькать и плевать.

Наконец монстр слез с меня и попытался встать. Я оглядел себя.

Ладони, брюки, рубашка – всё было чем-то заляпано. Я внимательно осмотрел руки, растирая между пальцами чёрную жижу.

– Чернила? – задыхаясь, сказал я.

Я повернулся к лежащему на полу существу и понял: передо мной был не монстр. Это мужчина. Покрытый чернилами. Мужчина, покрытый чернилами и катающийся по полу в агонии и ярости.

Я тут же подскочил к нему.

– Сэр, сэр, вы меня слышите?

Мужчина внезапно схватил меня за воротник рубашки и подтянул к себе.

– Мои глаза!

Я кивнул и встал, параллельно отцепив его руку от себя. Затем лихорадочно оглядел комнату и заметил кусок ткани. Он торчал из открытого футляра для виолончели. Позади футляра в заднем ряду стоял наполовину налитый стакан воды. Я пронёсся мимо скрипачки. Та лишь продолжала стоять, как статуя. Схватив кусок ткани и стакан, я в панике вернулся к мужчине.

– Вот вода и тряпка, – пояснил я и протянул их.

Мужчина вслепую замахал руками. Я взял его за руку и обвил его пальцы вокруг стакана. То же самое пришлось проделать с другой рукой, в которую вложил тряпку.

Я смотрел, как незнакомец яростно трёт глаза. Мне показалось, что так он себе делает только хуже. В то же время я не собирался указывать мужчине, что делать. Он выглядел несколько... поехавшим.

Чернила могут свести тебя с ума.

В конце концов, у мужчины получилось более-менее вытереть лицо. Он успокоился, опустил руки по бокам и лёг, уставившись в потолок.

– Вы в порядке, сэр? – поинтересовался я.

Мужчина ещё мгновение просто смотрел в потолок. Затем повернул голову, чтобы взглянуть на меня. Его лицо было испачкано. Белки глаз перестали быть белыми. Вместо этого они приобрели бледно-розовый оттенок. Всё в незнакомце казалось острым: его нос, подбородок, даже форма бровей. И только сейчас я заметил струйку крови. Та медленно текла вниз по его лбу.

– В порядке ли я? – спросил мужчина со смешком, повторяя мой вопрос.

Он покачал головой. Потом с усилием моргнул, не отрывая от меня взгляда.

– У вас кровь идёт, – сказал я и указал на струйку крови. Незнакомец дотронулся до лба. Потом провёл пальцами по всей голове. Он дёрнулся, а затем потянул за что-то. Мужчина посмотрел на свои пальцы: в них оказался зажат кусок стекла. Незнакомец снова устремил взгляд на меня.

– Ты кто такой, чёрт побери?

– О, эээ, я Бадди. Я новый помощник из художественного отдела.

На этот раз мужчина разглядывал меня ещё дольше. И тут вдруг начал смеяться особым смехом. В нём нет голоса – лишь дыхание. словно незнакомец задышался.

– Из художественного отдела. Ясно. Ну так, помощник художественного отдела, скажи мне: почему это вы храните чернила в моём чулане для нот? И почему Джоуи проложил через него трубопровод, по которому, судя по всему, текут

чернила?

Трубопровод? С чернилами? Это явно было чем-то из ряда вон выходящим. Но с другой стороны – я ведь понятия не имел, что для анимационной студии считалось нормальным, а что – нет.

– Я не знаю.

– Ты не знаешь. Ты не знаешь. – Мужчина ещё сильнее залился своим беззвучным смехом. Только теперь к нему примешался щёлкающий звук из горла. Незнакомец приподнялся и упёрся на локти, неумолкаемо смеясь.

– Я... не знаю, – отозвался я. Будто бы повтор ответа сделает его менее забавным. – Я... даже не знаю, где находится чулан с нотами.

Тогда я понятия не имел, где находилось большинство вещей. И даже сейчас, в эту самую секунду, я не всегда мог вспомнить, где что располагается.

Но я помню, как мужчина встал, схватив меня за локоть. В памяти застыла картина: он оглядывался на скрипачку, которая так и продолжала молчаливо стоять и смотреть, пока меня тащат прочь из зала. Я помню, как переставлял ноги в абсолютном непонимании происходящего. В воспоминаниях осталась его крепкая хватка. Пальцы, которые были такими же острыми, как и всё остальное.

Я помню.

Я помню, как шагал в обратном направлении по чернильным следам на полу.

И я помню тот чулан.

Дверь чулана была распахнута. Пол вокруг стал чёрным, как смоль. С верхних полок вниз по утёсам из белой бумаги стекали чернила – словно водопад, который только что отключили. Повсюду валялись осколки битого стекла.

– Вот чулан для нот, – сказал мужчина, отпустив мою руку. Но не просто отпустив, а ещё и подтолкнув меня вперёд. Спотыкаясь, я полетел в чулан. Носок ботинка задел осколок. Тот со звоном отлетел в тёмный угол.

– А это – чернила, которых здесь быть не должно. – Он указал на несколько рядов с уцелевшими бутылочками чернил. – А вот здесь труба, по которой необъяснимым образом текут чернила и которую прорвало, отчего оказалось испорчено несчётное количество моих нотных тетрадей!

– Ясно, – произнёс я и посмотрел на него. Мужчина взглянул на меня в ответ.

– Ясно? – возмутился он. Мне больше нечего было ответить ему. Лишь хотелось вернуться к лифту и своей работе.

Когда я ничего больше не сказал, незнакомец покачал головой, не отрывая от меня взгляда. Затем он наклонился так близко, что стали заметны чернила, которые проникли в каждую его пору. Мужчина начал говорить. В этот момент я мог видеть лишь его окрашенные чернилами дёсны и язык.

– Убери. Этот. Бардак.

После этого незнакомец гневно удалился. Я остался в одиночестве. Снова.

Я уставился на содержимое чулана.

Чувство растерянности никак не покидало моё тело. Казалось, я всё время был не прав. Неприятное ощущение. И теперь, глядя на беспорядок, я оказался абсолютно сбит с толку. Разве у них нет людей, которые должны здесь убирать? Уборка входила, что ли, в мои обязанности?

И даже если так – как предлагаете мне наводить порядок?

Как вообще можно отмыть пролитые чернила?

Вопрос с подвохом.

Потому что ответ на него: никак.

Позволь, я расскажу тебе кое-что о чернилах. Они не исчезают. Я вот о чём: ты, конечно, можешь вымыть руки и смыть чернила. Тебе даже покажется, будто всё

оттёрлось. Но затем ты всё равно обнаружишь маленькое пятнышко. Думаешь, его просто не заметили? Возможно. Но на самом деле это не так. Потом ты ждёшь, когда слои кожи обновятся, а испачканная чёрными пятнами кожа отшелушится и упадёт на пол. Чернила исчезли. Или же нет? Тебе кажется, что да – однако позже ты находишь новые пятна. Где-нибудь ещё. И их становится больше.

И ещё больше.

Чернила никогда не исчезают.

Они всегда поблизости – словно прячутся и ждут, когда смогут показать себя. Чернила всегда рядом, чтобы напомнить: им никогда не исчезнуть.

Поначалу это не так плохо. Ты привыкаешь видеть их с внутренней стороны указательного пальца. Может быть, они даже кажутся тебе другом. Или отметкой, которой нужно гордиться. Именно так чернила заманивают тебя.

Но потом они начинают распускаться и проникать глубже. Чернила просачиваются и тонут. Они заливают и поглощают.

Они живые.

Они повсюду.

Они внутри меня. Эти пятна дышат за меня. Я чувствую, как они хлюпают в лёгких.

Я чувствую их у себя в голове.

Я и есть чернила.

– Бадди?

К этому моменту я уже, наверное, в течение часа гонял чернила по полу старой шваброй, которую обнаружил в подсобке. До этого я убрал битое стекло, бутылочки с чернилами и выбросил испорченные нотные листы. До сего момента мне казалось, что я достиг каких-то успехов. Но не теперь. Сейчас я разобрался с чернилами, которые просто перетекали с места на место, но не исчезали.

Я повернулся.

– О, привет.

Это была девушка из сценарного отдела. Та самая, которую я видел раньше.

Это была Дот.

Она пришла мне на выручку.

– Что ты делаешь? – спросила она таким тоном, будто считала меня сумасшедшим.

– О, эээ, музыкальный парень велел мне тут убрать, – сказал я, держа на весу швабру. С неё капало на пол. Чернил становилось всё больше. – Он тут был и, наверное, разбил пару бутылочек с чернилами. А ещё здесь вроде как трубу прорвало.

– Музыкальный парень?

– Ага. Он такой... остроугольный.

Больше я ничего о нём не знал. Даже имени, если задуматься.

– А, – воскликнула девушка с лёгкой улыбкой. Эта улыбка тут же прогнала всю строгость с её лица. – Сэмми.

– Может быть.

– О, да это точно был Сэмми. Он... полон энтузиазма. – Дот быстро обогнула меня, чтобы посмотреть на беспорядок в чулане. – А что тут в принципе делают чернила?

Она потянулась вверх и дотронулась до липкой лужицы. Та расплылась на одной из полок.

– Густые, – сказала Дот, обращаясь скорее к самой себе, нежели ко мне.

– И не говори, – отозвался я, наконец поставив швабру на пол. Моё тело стало накрывать волной физической усталости от всей проделанной работы.

– Чернила могут испортиться? – спросила Дот, взглянув на меня.

– Понятия не имею.

Она пожала плечами:

– Ясно. Не важно. Он не должен был заставлять тебя убирать. Только взгляни на себя. Ты выглядишь ужасно.

Тут я вспомнил, что тоже полностью испачкался чернилами – благодаря Сэмми. Мама убьёт меня, когда увидит, во что превратилась моя одежда.

– Пошли со мной. Я хочу кое-что тебе показать.

Я подчинился. Любое занятие казалось лучше этого бессмысленного размазывания чернил по полу.

Я понятия не имел, почему Дот захотелось куда-то меня отвести. Ладно, признаю: поначалу я полагал, что понравился ей. В смысле не просто понравился как человек – думал, она на меня запала. Дот, если ты это читаешь: я знаю, ты смеёшься. Но тогда я не мог придумать какой-то другой причины, по которой девчонке захотелось бы проводить время с парнем – особенно в нашем возрасте. В то время мне и в голову не могло прийти, что мы можем просто быть вместе, но сами по себе.

Быть друзьями.

Я рад, что потом это осознал.

В общем, я не знал, куда меня вела Дот. И зачем. Однако это было лучше уборки – как уже сказал. К тому моменту я был настолько сбит с толку последней поставленной задачей, что уже не понимал: в чём, собственно, заключались мои рабочие обязанности? Мне требовался перерыв.

У меня хорошо получалось объяснять себе всё так, чтобы оно имело смысл.

Я следовал за Дот по коридору, поворачивая туда-сюда. Наконец мы вышли к лифту. Меня охватило огромное облегчение. Я и забыл, что направлялся не в художественный отдел. Поэтому оказался невероятно ошарашен тем, что лифт поехал вниз, а не вверх.

– Куда мы идём? – спросил я.

Клетка лифта немного тряслась. Шестерёнки, контролирующие двигательный механизм, скрипели слишком уж громко. Этот лифт, скорее всего, являлся одним из первых лифтов в мире. Исторический артефакт. Который очень медленно движется.

– Я не хочу портить сюрприз, – совершенно спокойно заявила Дот.

– Ха, – сказал я вслух, хотя не собирался.

Дот повернулась ко мне, с подозрением прищулив глаза:

– Что?

– Что? А, да ничего. Просто ты не похожа на человека, который любит напускать туман и играть в игры. – Я запнулся после своих слов.

Дот продолжила смотреть на меня. Я почувствовал себя глупо. Ведь я ничего о ней не знал. Однако в моих глазах она выглядела практичным человеком.

Но ведь внешность может быть обманчива.

– Не то чтобы ты не прав, – сказала Дот, прекратив щуриться, – но, знаешь, иногда сюрприз производит более интересный эффект. К тому же это трудно описать словами. Лучше увидеть.

– Да, иногда слов бывает недостаточно, – согласился я.

Дот на мгновение задумалась над моей фразой.

– Пожалуй, не буду принимать это оскорбление на свой счёт.

– О, нет! Это не оскорбление.

Я вовсе не хотел никого обидеть. Казалось, я просто с ней соглашаюсь. Из-за Дот я не мог расслабиться. Не покидало ощущение, что, если я нечётко сформулирую свои мысли, она меня неправильно поймёт.

Как выяснилось, это являлось правдой.

Но в хорошем смысле.

– Я Дороти, кстати.

Да, думается, именно так это и произошло. Кажется, так мы познакомились. Я Дороти, кстати.

– Люди зовут меня Дот. Я сама себя называю Дот. Так что просто зови меня Дот.

Точно. Я вспомнил, как секретарша назвала её так же.

– Я Бадди. Моё настоящее имя Дэниел, но все зовут меня Бадди.

– Серьёзно? Но почему?

– Ну, а почему тебя зовут Дот?

– Это обычное сокращение от Дороти, – ответила она так, словно я должен был это знать.

– Вот как.

– Дэниела обычно сокращают до Дэна или Дэнни. Или чего-то подобного. Бадди – это странно.

Её слова застали меня врасплох. В этом я с Дот не мог согласиться.

– Нет, вовсе не странно. В общем-то, всё началось с малыша Бадди. Все в округе меня так называли. Я был довольно мелким и всегда делал всё возможное, чтобы помочь своей семье со всякими делами. Мне просто хотелось быть полезным. Я бегал с поручениями по району. Народ просто стал меня так звать. А потом, понимаешь... – Я посмотрел вниз на себя; на свои тонкие ноги, торчащие из огромных ботинок. Я всегда чувствовал себя палкой на подставке или чем-то в этом роде.

– Ты вырос, – закончила Дот.

– Ага.

Наконец лифт с рывком остановился. Я снова клацнул зубами. Предстоит привыкнуть к таким внезапным остановкам – иначе в скором времени рискую остаться без зубов.

Дот отодвинула решётку. Мы вышли в тёмный пустынный коридор. Очевидно, что мы оказались в подвале. Я огляделся. Стало ясно: никто здесь не работает. Помещение использовали, скорее, как склад, нежели с какой-то иной целью. Огромные картонные фигуры Бенди в человеческий рост были выставлены вдоль стены справа. Дот повернула налево. Я последовал за ней, заметив по пути несколько складских помещений с распахнутыми дверями. Каждая комната оказалась заполнена коробками, которые стояли одна на одной.

– А нам вообще можно спускаться сюда? – спросил я.

Дот пожала плечами.

Я решил, что её ответ означает «нет». Дот довольно прямо отвечала на любые вопросы. Я посчитал, что неопределённое пожатие плечами, наверное, следует расценивать как отрицание.

– Можно у тебя кое-что спросить?

Дот вновь с подозрением покосилась на меня. Со временем я понял: девушка так смотрела на всех. Она с большим недоверием относилась к людям. Тем не менее поначалу я всё время задавался вопросом – что же делаю не так?

– Спрашивай.

– Я заметил, тут работает довольно много... дам.

Я сомневался в правильности такой формулировки вопроса.

Дот рассмеялась. Это был короткий, кашляющий смешок. Она тряхнула головой.

– Кого это ты называешь дамами, Бадди? – спросила Дот с лёгкой ухмылкой.

У меня вспыхнуло лицо.

– Ты понимаешь, о чём я. Я имею в виду тех девчонок, что работают здесь. Как, например, глава художественного отдела. Она же дама. И... знаешь... – Я не закончил свою мысль и умолк.

– Знаю что? – спросила Дот, повернув за угол. Я следовал за ней. Девушка щёлкнула выключателем. Несколько пыльных лампочек, тянувшихся по узкому потолку, оживлённо вспыхнули.

– Я не... привык видеть так много женщин, которые выполняют... подобную работу.

Мне оказалось трудно выразить все мысли. По большей части из-за того, наверное, что я не был уверен в своём вопросе.

– Ладно-ладно, макаронина. Давай я тебе помогу – пока ты окончательно не запутался, – Дот остановилась и повернулась ко мне лицом. Я проделал то же самое. – Во время войны мистер Дрю, как и любой другой работодатель, лишился многих в своём штате. Сотрудники отправились сражаться за правое дело. Как и руководители других компаний, он нанял нас – «дам», как ты выразился. Война заканчивается. Не все парни возвращаются домой. А те, кто вернулись, ну... Мистеру Дрю понравилось, как мы работаем. Мне кажется, поначалу это его удивляло. Но затем он понял, что неосознанно не обращал внимания на многие таланты. А мистеру Дрю нравится талант. Ему всё равно, какой у таланта пол, возраст, цвет кожи или социальное положение.

– Ага. – Я кивнул, вспоминая о своём собеседовании с ним. Не то чтобы мистер Дрю на самом деле знал, имеются ли у меня хоть какие-то способности или нет. Я даже кружка не нарисовал. Если задуматься, это было странно.

– В общем ты понимаешь. Мужчины, которые вернулись с войны, вновь приступили к работе. Но мистер Дрю не уволил ни одну девушку. Некоторое время мы работали вместе. Часть мужчин осталась. Другим же не очень понравилось находиться в подчинении у женщин, так что... В конечном итоге всё сложилось так, как сложилось.

– С дамами-руководителями.

Теперь мне всё стало понятно.

– Просто с руководителями, Бадди. Женщины не являются каким-то особым сортом начальства. Они просто люди, Бадди. Просто люди.

Я снова кивнул. Всё это было мне известно. Правда. Дот на секунду задержала на мне взгляд.

– Тебе придётся выбросить всю свою одежду. Она безнадежно испорчена.

Я снова посмотрел на себя, разглядывая пропитанную чернилами рубашку.

– Ага, – ответил я. Совсем не хотелось об этом думать. При таком раскладе в моём гардеробе останется только один хороший комплект одежды, состоящий

из рубашки и брюк.

Дот коротко кивнула и вновь зашагала по коридору. Я последовал за ней. Девушка шла быстро, но каждые два её шага приходились на один мой. У меня не возникло ощущения, будто мы торопимся. Хотя я вроде понимал: следовало поспешить и вернуться к работе. Но было здорово: сейчас хоть что-то начало обретать смысл. Здорово завести друга. Мы же подружились? Я не был уверен.

В конце концов мы остановились у закрытой двери. Дот осмотрелась вокруг. От такого её жеста я ещё больше убедился в том, что мы совершали нечто запретное. Девушка достала из глубокого кармана своей юбки небольшой медный ключ и отперла замок.

– Где ты его взяла?

Дот снова пожала плечами в ответ.

Она открыла дверь и включила свет. Мы зашли внутрь и оказались в очередном складском помещении. По размерам оно едва ли превышало кладовку. Вдоль всех четырёх стен была навалена масса всего. Складывалось впечатление, будто бы места совсем не хватало. Посреди склада стояло несколько стульев и стол. На последнем выставили множество маленьких кукольных домиков. Подобные можно часто видеть в витринах магазинов игрушек. Я зацепился плечом за что-то выпирающее и обернулся. Это было колесо.

Колесо?

Именно в этот момент всё наконец обрело чёткость. Любопытно, как работает человеческий мозг. Он может видеть всё как одно целое. Мозг не различает составных частей и отдельных компонентов. Если ты видишь автомобиль, ты видишь автомобиль. Ты не замечаешь лобовое стекло, двери, фары. Их можно различить позже – после первого взгляда на «автомобиль».

Забавно: если ты целенаправленно не ищешь составляющие, то иногда вовсе их не замечаешь.

Из этих маленьких отдельных кусочков собирается целая картина.

Детали пазла.

Суть в следующем: до нынешнего момента я видел лишь «хлам». Но теперь заметил колесо и начал обращать внимание на всё остальное. Оказалось, колесо принадлежит небольшой тележке. Затем до меня дошло, что эта тележка сильно походила на бамперные машинки с Кони-Айленда. А потом я осознал: вся стена была забаррикадирована установленными друг на друга машинками. А ещё среди них торчала наполовину спрятанная вывеска, по контуру которой располагались лампочки. На вывеске можно прочесть: «Автодром Бе...». Я вышел в центр комнаты и огляделся кругом, попутно замечая и другие штуки. Например, чёрно-белую лошадь с карусели и Волка Бориса, который держит блюдо со словом «Еда» и указательной стрелкой.

– Потрясающе, правда? – спросила Дот.

Я обернулся и увидел её возле стола.

– Что это всё такое?

– Давай я тебе покажу, – предложила Дот и указала на кукольные домики.

Я встал рядом с ней у стола. Кукольные домики оказались вовсе не для кукол. Они являлись частью мелкомасштабного макета. В этом был смысл. Мы склонились над столом по разные его стороны. Я бросил быстрый взгляд на Дот. Её нос и рот исчезли за маленькой моделью здания и делали девочку похожей на великаншу, наблюдающую за блошиным цирком – только вместо блох там должны быть люди. Я опустил взгляд на макет, нависнув как раз над миниатюрной вывеской. На ней красовалась надпись: «Автодром Бенди». Я бросил взгляд через плечо на настоящую вывеску, которая теперь скрылась в тени.

– Я не понимаю... Это парк аттракционов Кони-Айленда? – спросил я.

– Бендилэнд, – ответила Дот.

Я вскинул на неё взгляд. Дот смотрела на меня со всезнающим видом.

– Он существует? – поинтересовался я. Но как только вопрос слетал с моих губ, я уже знал ответ. Всё стало очевидно – благодаря этому хламу на складе. – В смысле существовал?

Дот отрицательно покачала головой:

– Это следующий большой проект мистера Дрю. Он работал над ним в течение нескольких последних лет. Или, по крайней мере, столько же, сколько я здесь работаю. Но это секрет. Никто не знает об этом месте – никто из тех людей, что мне встречались. Раньше тут были только какие-то обрывки и намётки. Но со временем макет становился всё больше и больше. А в прошлом месяце эта комната начала наполняться. Мне кажется, что-то будет.

Я вспомнил о том мужчине, Томе, которого видел вчера. Вспомнил о картонном тубусе в его руке. Такой тубус обычно носят с собой архитекторы и дизайнеры. Может, он работает над этим проектом?

– Я не представляю, где он собирается хранить остальное. Даже в подвале места не хватит. С ума сойти, правда?

Я окинул взглядом весь макет перед собой. Здесь размещались аттракционы, между которыми располагались маленькие палатки с развлечениями. Предусмотрена зона, где можно перекусить. А ещё нечто напоминающее дом с призраками. Это был целый парк развлечений, полностью связанный с миром Бенди.

– Мистер Дрю всё это придумал? – спросил я с благоговением.

– Кто же ещё? – парировала Дот.

– А тебе не кажется, что кто-то ещё об этом знает?

– Я так не думаю. – Дот выпрямилась и скрестила руки на груди. Она продолжала рассматривать макет. Я тоже выпрямился.

– Откуда ты обо всём узнала? – поинтересовался я.

– Хороший вопрос, Бадди. – Дот выглядела довольной. – Продолжай задавать вопросы подобного рода. Это важно.

Я ничего не понял. В смысле понял, что она говорила. Просто не догадался, к чему это было сказано. Поэтому я спросил. Дот же сама мне сказала, что нужно задавать вопросы.

– Почему?

– Я не знаю, Бадди. Не знаю. Просто нутром чую. Всё это мне не нравится. Требуется лучше во всём разобраться. Мне нужна информация. Необходимы детали.

Мама часто поговаривала: дьявол кроется в деталях.

– Впрочем, не отвлекайся, Бадди. Ты задал мне вопрос. И смотри, что я сделала. Я на него не ответила, и мы сменили тему.

Я кивнул. Я запутался – только вот всё было понятно. И это путало ещё больше.

– Так откуда ты обо всём узнала?

– Я украдкой сую нос не в свои дела. Хочу собрать факты.

– Потому что так тебе подсказывает нутро.

– Ага.

Я понимал, что значит украдкой совать нос не в свои дела. Подобное я проворачивал в своём районе. И ещё когда шпионил за художниками в Центральном парке.

– Где ты достала ключ? – спросил я.

Дот лишь улыбнулась.

– Этот вопрос ещё лучше.

– Спасибо.

– Уолли всегда теряет свои ключи. Это не значит, что я их ему верну.

Я снова кивнул, не определившись, что думать по поводу воровства. Я понимал: мне это не нравится. Однако мне нравилась Дот. Девушка казалась уверенной в себе и всегда знала, как поступить правильно. Может, сейчас совершить что-то неправильное и было правильным?

– Нам, наверное, лучше вернуться наверх – пока никто не заметил нашего отсутствия, – отозвалась Дот.

Я почувствовал прилив паники. Представил, что из-за опоздания меня уволят. Хотя, с другой стороны, я отсутствовал довольно долго, и, кажется, никому до этого не было дела. Но ведь многие вообще ещё не в курсе того, что я здесь работаю. Пока что.

– Можешь помочь мне добраться до художественного отдела? – спросил я, когда мы заперли за собой дверь и направились обратно к лифту.

– Конечно.

Тут я остановился. В задумчивости. Дот тоже замерла, заметив это.

– Что такое? – спросила она.

– Почему я? – поинтересовался я.

– Почему ты что?

– Почему ты пошла искать меня? Зачем показала мне всё это?

Дот искоса посмотрела на меня своим фирменным взглядом. У тебя есть этот особый взгляд, знаешь, Дот? Тот самый взгляд, который означает: нужно как-то

разобраться во всём самому; якобы у меня есть ключ к решению.

Но у меня его не было. Тогда не было. И сейчас нет. Ты возложила на меня слишком большие надежды, Дот.

– Нутром почуяла, – ответила она.

5

В тот день я ни разу не встретил мистера Дрю. Меня это немного расстроило. И даже слегка беспокоило. Вдруг он предложил мне эту работу шутки ради? Или же успел забыть обо мне. Тем не менее когда я вернулся в художественный отдел, то почувствовал себя под светом прожектора. Определённо точно можно утверждать: я перестал быть невидимкой.

Когда твердят о том, чтобы с головой погрузиться в работу, не следует это делать буквально.

– Это какое-то концептуальное произведение искусства?

– Хочешь стать героем мультфильма, когда вырастешь?

Мне кажется, команда художественного отдела отпустила ещё какие-то шуточки по поводу моего внешнего вида. Но я их не запомнил. Помню только их смех и своё горевшее от смущения лицо. Я помню, что старался до конца рабочего дня как можно быстрее разделаться со всякими мелкими поручениями и по возможности ни с кем не разговаривать.

Время шло. Пять часов. Шесть. Я уже давно приготовился идти домой. Мне хватило по горло первого дня на работе мечты. Но никто не сказал, во сколько заканчивался рабочий день. Люди вокруг никуда не уходили. Они продолжали сидеть, склонив головы над своими столами и усердно чирикавая по бумаге карандашами.

– Всё хорошо, Бадди, можешь идти, – сказала мисс Ламберт. Я подскочил на месте – она внезапно оказалась позади.

– Я могу остаться, – сказал я. Мне не хотелось показаться ленивым. Я был трудягой.

– Всё нормально. Художники работают, потому что сроки поджимают. У тебя сегодня был первый день. Не похоже, что он прошёл легко. – Мисс Ламберт улыбнулась мне.

Я не знал, что ещё следовало сказать или сделать. Мне просто хотелось сбежать. Мысль о том, чтобы выйти на улицу, с ног до головы испачканным в чернилах, совсем не воодушевляла. Однако я последовал совету мисс Ламберт. Взял свою куртку и направился домой, вперив взгляд в тротуар под ногами. Не было настроения встречаться взглядами с прохожими. Те таращились на меня.

Тяжелее всего оказалось игнорировать крики людей в моём квартале.

– Эй, Бадди! Ты в чан с шоколадом упал, что ли?

И тому подобное.

Я добрался до дома и взлетел вверх по лестнице, врезавшись в мистера МакКенна. Тот выходил из ванной комнаты. Вокруг его бёдер было обёрнуто старое измученное полотенце. Над тканью свисал живот мужчины.

– Смотри, куда прёшь, парень!

Я ворвался в квартиру и пронёсся к себе в комнату мимо мамы. Она мыла посуду на кухне. Я резко остановился.

Я совсем забыл.

Про дедушку.

Он стоял в узком пространстве между изножьем кровати и стеной. Старик разглядывал гигантскую картину. Наверное, сама картина не была такой уж

огромной – просто её размер казался чересчур внушительным в сравнении со стеной. Я всегда подозревал: больше всего места в комнате занимала именно картина.

– Мне бы лишь рубашку сменить, – сообщил я.

Однако дедушка не шевельнулся и вообще виду не подал, что услышал меня. Даже ничего не пробубнил себе под нос.

– Koszula, – сказал я. По-польски я говорил ужасно – мои знания языка были, мягко говоря, поверхностными. Я даже не был уверен в том, откуда в голову пришло слово «рубашка».

Кажется, и это не сработало.

Я осторожно направился в сторону дедушки в попытке сделать так, чтобы он меня заметил. Старик не обратил внимания. В итоге я просто перелез через кровать, чтобы добраться до комода. По пути к своей цели я бросил беглый взгляд на картину. На ней был изображён пейзаж с горами и деревьями. Он не был написан реалистично, подобно фотографии. Напротив, казалось, будто художник густо шлёпнул краской на холст, и у него случайно получилась картина. Я привык к ней – такой знакомой каждым мазком и линией. Известна мне не только сама картина, но и тяжёлая золотая рама. Когда я был маленьким, то спросил у мамы, настоящее ли это золото. Она ответила отрицанием. Я заявил тогда: если бы то оказалось настоящее золото, мы могли бы его продать и купить новую квартиру. И побольше еды. Мама улыбнулась на это: «Нужно ценить не раму».

Тогда я не понял смысл этих слов. Однако несколько лет спустя Томми Шарп сообщил мне, что видел в газете новость: картину, похожую на одну из наших, продали на аукционе за десять тысяч долларов. Я ему не поверил. Мы из-за этого подрались. Тем не менее когда я пришёл домой весь в синяках, то первым делом взглянул на картину. В тот момент мир вокруг меня обрёл чёткость. Вдруг стало заметно: в нашей квартире висят и другие холсты. Те, которые располагались друг над другом по всей длине коридора. Я обратил внимание: эти картины занимают всё пространство до самого потолка – словно их так хранили. Все они висели криво и под слоем пыли. Я прожил в окружении картин так долго, что не обращал на них внимания – хотя стоило бы.

– Мам, мы можем продать эти картины, – сказал я. – Мы заработаем денег. Ты сможешь перестать каждый день трудиться до изнеможения у мистера Шварца.

– Ну и идеи у тебя, – засмеялась она, вставая из-за стола, чтобы взъерошить мне волосы – словно я был малышом, а не тринадцатилетним парнем.

– Деньги – это важно, мам, – сказал я и развернулся на стуле, чтобы взглянуть на неё.

– Не нужно говорить мне, что деньги – это важно. Как будто бы я этого не знаю. – Мама прислонилась спиной к раковине и посмотрела на меня. – Картины мы продавать не будем.

– Они ведь ценные. Ты сама мне как-то об этом сказала, – спорил я. – Ты видела новость в газете?

– Нет. – Она отвернулась обратно к раковине. Но на этом всё. Мама просто стояла там. Молча. Слезы не создают шума. Людям кажется, будто это неверно – ведь когда люди плачут, звук выходит из горла. Но на самом деле можно плакать так, что никто об этом не узнает.

Но я знал. Я всегда знал.

Чего я не понимал – так это причин её слёз. Сердце от этого болезненно щемило.

– Это из-за папы? – тихо спросил я. Мы не получали от него письма уже несколько недель.

Мама резко обернулась. Её покрасневшие глаза были широко распахнуты. Она казалась напуганной – но так, что я не в состоянии объяснить. Готов поспорить, Дот, ты бы смогла подобрать нужные слова. Затем внезапно лицо мамы смягчилось. Она сказала:

– А, из-за твоего папы? Нет, дело не в нём.

Я устремил взгляд на дедушку, когда добрался до комода и открыл ящик.

Внезапно всё встало на свои места в том воспоминании. Она решила, что я спрашиваю о её отце, а не о своём. Мама всегда что-то скрывала от меня, когда дело касалось её семьи.

Что же дедушка видел на картине? Почему она так важна для него? Что я упустил?

Я вытащил рубашку и сменную пару брюк, после чего с грохотом задвинул ящик. Это несправедливо. Мне всё это не требовалось. Мне не нужен был в моей комнате – в моём пространстве – какой-то загадочный старикан, который не знал английского и всё усложнял. Мне также не нравилось, что он расстраивает маму. Она всегда была весёлой – за исключением тех случаев, когда говорила о нём. Почему мама позволяла отцу так нагло лезть в свою жизнь? В нашу жизнь?

Почему дедушка так близко стоял к картине?

Для меня всё это оказалось слишком. Я был сыт по горло сегодняшним днём.

Я снова прошагал по кровати – хотя не то чтобы это было возможно. Я, скорее, сердито споткнулся и свалился по другую её сторону. Затем вновь оказался в нашем узком коридоре.

Я разделся и натянул на себя чистую одежду. Ту, что в чернилах, бросил на кровать.

Мой дед при этом даже не шелохнулся.

Он просто стоял и смотрел.

Смотрел и смотрел.

Работа в студии оказалась не тем, что я себе представлял. В смысле она не была плохой. Всё что угодно выглядело лучше, чем беготня по улице с поручениями от мистера Шварца в разгар Нью-Йоркского лета. Собственно, я сомневался, насколько приятнее бегать не по улице, а по душной, плохо проветриваемой анимационной студии.

Тем не менее я мог видеть во всём этом некоторые преимущества.

Одним из самых больших плюсов являлась возможность наблюдать за тем, как художники работают, подобно единому целому. Но конечно же только когда они разрешали мне смотреть. Джейкоб всегда позволял мне заглядывать ему через плечо, а вот Ричи – нет. Он прятал от меня свою работу так, словно это какое-то секретное сообщение для Антанты во время войны. И ещё, честно говоря, было здорово иметь полное право говорить соседям по району, что я работаю в центре города в студии Джоуи Дрю. На людей это производило впечатление. Они завидовали.

Народ, с которым я знакомился на работе, тоже был замечательным. По большей части. Мисс Ламберт руководила художественным отделом и вела себя немного сурово. Иногда она меня огорчала – когда требовала сесть на место и перестать всё время стоять у кого-то над душой. Ещё она носила мужские костюмы. Это меня завораживало и вдохновляло. Я решил, что когда-нибудь придумаю женского персонажа по образу мисс Ламберт.

Когда-нибудь. Когда она наконец разрешит мне рисовать. И этот день всё никак не наступал. Мне хотелось учиться. Хотелось стать частью команды, в которую входили Ричи, Дэйв и Джейкоб. С последним я познакомился в первый день. Эта троица была почти небольшой бандой. Их столы стояли в один ряд вдоль стены под тремя яркими лампами. Ричи и Джейкобу было за двадцать. Они оказались полны энтузиазма. Ричи иногда вёл себя грубо. От него всегда пахло сигаретным дымом. Кончики его пальцев были окрашены жёлтым – это я заметил, когда Ричи передал мне свои новые наброски, с подозрением глядя на меня поверх маленьких круглых очков. Его одежда всегда была немного мятой. Из-за этого я чувствовал себя слегка лучше. Ведь после того случая с Сэмми у меня осталась только одна рубашка и одна пара брюк. В моём гардеробе даже не было пиджака.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Нижний Ист-Сайд – район Манхэттена с узкими улицами, простыми многоквартирными домами, элитными апартаментами и шикарными бутиками.

2

Офф-Бродвей – профессиональный театральный термин, которым обозначаются сценические площадки в Нью-Йорке с вместимостью от 100 до 499 посетителей. По своим размерам эти театры меньше бродвейских.

3

Стикбол – уличная игра, правилами напоминающая бейсбол.

4

Ист-Ривер – судоходный пролив в Нью-Йорке.

(Идиш) – дедушка.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kress_adrianna/bendi-i-chernil-naya-mashina-koshmary-ozhivayut

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)